

"Революционный архив"

Карл Каутский

ДИКТАТУРА ПРОЛЕТАРИАТА

K. Kautsky. Die Diktatur des Proletariats, Wien, 1918.

Перевод с немецкого Ф.А. БОБРОВА

ЕКАТЕРИНОСЛАВСКОЕ КНИГОИЗДАТЕЛЬСТВО "НАУКА" 1919

1.	Проблема
2.	Демократия и завоевание политической власти
3.	Демократия и зрелость пролетариата
4.	Влияния демократии
5.	Диктатура
6.	Конституанта (Учредительное Собрание и Совет)
7.	Советская республика
8.	Наглядный урок
9.	Наследство диктатуры
а)	Сельское хозяйство
б)	Индустрия
12.	Новая теория

1. ПРОБЛЕМА

Нынешняя русская революция впервые в мировой истории сделала социалистическую партию властительницей большого государства. Явление значительно более величественное, чем господство пролетариата над Парижем в марте 1871 г. Однако в одном важном пункте Парижская Коммуна была выше Советской Республики. Она была делом всего пролетариата. Все социалистические направления принимали участие в ней, ни одно не исключало себя и не было исключено из нее.

Напротив, социалистическая партия, которая управляет в настоящее время Россией, достигла власти борьбой против других социалистических партий. Она осуществляет свою власть путем исключения других социалистических партий из своих органов управления.

Противоположность между обоими социалистическими направлениями основана не на мелком личном соперничестве. Это — противоречие двух различных по существу методов: демократического и диктаторского. Оба направления стремятся к одному и тому же, а именно: освободить посредством социализма пролетариат, а вместе с ним и человечество. Но путь, которым идут первые, другие считают ошибочным, ведущим к гибели.

Нельзя быть пассивным зрителем столь грандиозного события, как пролетарская борьба в России. Каждый из нас чувствует себя вынужденным занять ту или иную позицию, тем более, что проблемы, занимающие сегодня наших русских товарищей, завтра могут приобрести практическое значение для Западной Европы; более того, они и сейчас оказывают сильное влияние на нашу пропаганду и тактику.

Наша партийная обязанность не позволяет нам, однако, в русской братской междоусобице встать на ту или другую сторону ранее, чем будут основательно исследованы аргументы того и другого направления.

Но в этом нам мешают некоторые товарищи. Они требуют от нас высказаться безусловно за то направление, которое стоит в данное время у власти. Всякое другое отношение, по их мнению, вредит революции и даже самому социализму. Но это означало бы признать доказанным то, что еще надлежит исследовать, а именно: что одно течение пошло по правильному пути и что нам остается только поддерживать его.

Конечно, требованием широчайшей свободы обсуждений мы ставим себя на платформу демократии. Диктатура же требует не опровержения противоположных мнений, а насильственного подавления их. Таким образом, оба метода — демократический и диктаторский — стоят уже в непримиримом противоречии раньше, чем началось обсуждение. Первый требует, второй запрещает.

Однако в нашей партии пока еще нет диктатуры; можно еще свободно обсуждать. И мы считаем не только нашим правом, но и нашей обязанностью выражать свободно наши мнения, потому что, только выслушав все аргументы, можно прийти к соответственному и полезному решению. Но известно, что “Eines Mannes Rede kienes Mannes Rede” (Речь одного не в счет). Должно честно выслушать обе.

Поэтому в дальнейшем мы будем исследовать, какое значение для пролетариата имеет демократия, что подразумеваем мы под диктатурой пролетариата и какие условия создает диктатура как форма правления для освободительной борьбы пролетариата.

2. ДЕМОКРАТИЯ И ЗАВОЕВАНИЕ ПОЛИТИЧЕСКОЙ ВЛАСТИ

Иногда между демократией и социализмом, следовательно между обобществлением средств производства и самим производством устанавливают такое различие: последнее есть конечная цель нашего движения; демократия же только средство для этой цели, при одних условиях оно может быть пригодным, при других оказаться даже препятствием.

Строго говоря, конечная цель для нас не социализм, а уничтожение всякого вида эксплуатации и угнетения, все равно класса ли, пола или расы (Эрфуртская программа).

Мы стремимся достигнуть этой цели посредством поддержки пролетарской классовой борьбы, потому что пролетариат как низший класс не может освободить себя, не уничтожив вместе с тем всех причин эксплуатации и угнетения, еще и потому, что промышленный пролетариат является тем наиболее эксплуатируемым и угнетаемым слоем, сила, способность и готовность к борьбе которого находятся постоянно в процессе роста и победа которого неизбежна. Поэтому всякий искренний враг эксплуатации и угнетения, к какому классу он ни принадлежал, должен участвовать в пролетарской классовой борьбе.

В этой борьбе мы ставим социалистический способ производства нашей целью потому, что при современных технических и экономических условиях он является наилучшим средством достижения нашей цели. Если бы нам доказали, что мы ошибаемся и что освобождение пролетариата и человечества достигается вообще и даже целесообразнее на основе частной собственности на средства производства, как думал уже Прудон, тогда мы отбросили бы социализм, отнюдь не отбрасывая нашей конечной цели. Более того, мы должны были бы сделать это в интересах ее.

Демократия и социализм различаются не тем, что первая — средство, а второй — цель; оба они средство для одной и той же цели.

Различие между ними в другом. Социализм как средство освобождения пролетариата без демократии немыслим. Конечно, общественное производство может быть и на ином основании, чем демократическое. При неразвитых отношениях коммунистическое

хозяйство может стать основой деспотизма. Это утверждал в 1875 году Энгельс, когда писал о деревенском коммунизме, сохранившемся до наших дней в России и Индии (Soziales aus Russland "Volksstaat", 1875).

Так называемая "Культурная система" нидерландской колониальной политики на Яве базировала сельскохозяйственное производство с целью эксплуатации правительством народа на земельном коммунизме.

Еще более яркий пример недемократической организации общественного труда дает государство иезуитов в Парагвае в 18-м столетии. Иезуиты как господствующий класс, располагая диктаторской властью, организовали там труд индейского туземного населения поистине достойным удивления образом, не применяя силы и даже завоевав симпатии своих подданных.

Для современных людей подобный патриархальный режим был бы невыносим. Он возможен только тогда, когда повелители в высокой степени превосходят знаниями повелеваемых, а последние абсолютно не в состоянии достигнуть равной высоты. Слой или класс, борющийся за свое освобождение, не может поставить своей целью подобную систему опеки; он должен решительно отвергнуть ее.

Для нас социализм без демократии немыслим. Под современным социализмом мы понимаем не только общественную организацию производства, но также демократическую организацию общества. Поэтому социализм для нас нераздельно связан с демократией. Нет социализма без демократии.

Однако это положение не допускает обратного вывода. Демократия может быть и без социализма. Даже чистая демократия мыслима без социализма, например, в мелкокрестьянских общинах, в которых существует полное равенство экономических условий на основе частной собственности на средства производства.

Во всяком случае можно сказать, что демократия возможна без социализма и до него. И эту-то досоциалистическую демократию очевидно имеют в виду те, которые полагают, что демократия относится к социализму, как средство к цели, причем, однако, по большей части спешат прибавить, что она, собственно говоря, не средство для цели.

Это последнее предположение нужно самым решительным образом отвергнуть. Если б оно нашло всеобщее признание, оно направило бы наше движение на опаснейший путь.

Почему демократия должна быть негодным средством для достижения социализма?

Дело идет о завоевании политической власти. Говорят: если бы в демократической стране с буржуазной формой правления создалась возможность для социал-демократов получить на парламентских выборах большинство, господствующие классы применили бы все имеющиеся в их распоряжении средства, чтобы воспрепятствовать господству демократии. Поэтому пролетариат может завоевать политическую власть не через демократию, а только путем революции.

Не подлежит сомнению, что там, где пролетариат демократического государства становится силой, ему приходится считаться с попытками господствующих классов насильственными мерами парализовать использование им демократии. Но этим еще не доказана бесполезность демократии для пролетариата. Если господствующие классы при изложенных здесь предпосылках прибегают к насилию, то происходит это именно потому, что они боятся последствий демократии. И их насилие было бы ни чем иным, как попыткой свергнуть демократию.

Следовательно, из предполагаемых попыток господствующих классов уничтожить

демократию вытекает не бесполезность ее для пролетариата, но скорее необходимость для него защищать ее самым решительным образом. Конечно, если убедить пролетариат, что демократия в сущности бесполезная декорация, тогда у него не найдется необходимой силы для защиты ее. Однако пролетарская масса повсюду настолько крепко держится за свои демократические права, что нельзя ожидать с ее стороны добровольного отказа от них. Напротив, с большей вероятностью надо ожидать, что пролетариат будет защищать свои права с таким упорством и настойчивостью, что попытка противной стороны уничтожить их может повлечь за собой ее собственную гибель. И этого нужно ждать тем скорее, чем выше ценит пролетариат демократию, чем сильнее держится за нее.

С другой стороны, нельзя допустить, что изложенный здесь ход событий повсюду неизбежен. У нас нет оснований быть столь малодушными. Чем демократичнее государство, тем более материальные средства государственной власти, например, военные, зависят от народных настроений (милиция). Эти материальные средства и у демократии могут быть средствами насильственного подавления пролетарского движения, если пролетариат численно слаб, как, например, в аграрном государстве, или когда он политически слаб в силу своей неорганизованности и духовной несамостоятельности. Но раз в демократическом государстве пролетариат настолько окреп численно и силой, чтоб при помощи достигнутых уже свобод завоевать политическую власть, тогда “капиталистической диктатуре” будет трудно собрать необходимые средства для насильственного подавления демократии.

Маркс считал возможным и даже вероятным, что в Англии и в Америке пролетариат мирным путем завоеует политическую власть. После Гаагского интернационального конгресса 1872 г. в народном собрании в Амстердаме Маркс произнес речь, в которой сказал:

“Наступит день, когда рабочий должен будет взять в свои руки политическую власть, чтобы заложить основание новой организации труда. Он должен свергнуть старую политику, оберегающую старые учреждения, если он не хочет, подобно древним христианам, отказаться от “царства в этом мире”, к которому те относились с таким презрением и пренебрежением”.

“Но мы никогда не утверждали, что пути достижения этой цели, повсюду будут одинаковыми”.

“Мы знаем, что нужно принять в соображение учреждения, нравы и традиции различных местностей, и мы не отрицаем, что существуют страны, как, например, Америка, Англия и, если б я лучше знал ваши учреждения, быть может, я прибавил бы Голландия, где рабочие мирным путем достигнут своей цели. Но не так будет во всех странах”.

Посмотрим, исполнится ли ожидание Маркса.

Конечно, в названных государствах имеются имущие классы, склонность которых к насилию по отношению к пролетариату растет. Но рядом с ними имеются и другие слои, уважение которых к растущей силе пролетариата и желание держать его путем уступок в благодушном настроении тоже растет. Несмотря на то, что военное положение повсюду временно сузило политическую свободу действий народных масс, английскому пролетариату оно принесло значительное расширение избирательного права. В настоящее время нельзя предусмотреть, какое влияние демократия различных стран окажет на формы завоевания политической власти пролетариатом и насколько оно будет содействовать тому, чтобы той и другой стороной были избегнуты насильственные методы. Но во всяком случае существование демократии не будет ничтожной величиной. В демократической республике, в которой народные права

приобрели почти столетнюю прочность, права, которые народ завоевал, утвердил и расширил путем революции, и где народ приучил господствующие классы к уважению себя, в таком государстве формы перехода, конечно, будут иные, чем в государстве, где военная деспотия до сих пор располагала неограниченной властью по отношению к народным массам и где она привыкла держать их в узде.

Но влиянием демократии на формы перехода к пролетарскому режиму для нас не исчерпывается значение ее в досоциалистическое время. Всего важнее для нас ее влияние в настоящий период на рост зрелости пролетариата.

3. ДЕМОКРАТИЯ И ЗРЕЛОСТЬ ПРОЛЕТАРИАТА

Для социализма нужны особые демократические условия, которые делают его и возможным, и необходимым. Это, конечно, всем известно. Однако среди нас не существует единодушия по вопросу, каковы же те условия, которые должны быть налицо, чтобы современный социализм был возможен, и когда именно нужно считать страну созревшей для него. Это разногласие по столь важному вопросу — факт не особо утешительный. Но будем искать облегчение в том, что мы по необходимости снова займемся этой проблемой. Эта необходимость возникает уже потому, что для большинства из нас социализм перестал быть тем, что ожидалось не ранее, чем через столетия, в чем нас уверяли еще в начале войны некоторые “переучившиеся ученики”. Социализм как вопрос практики поставлен в порядок нынешнего дня.

Каковы же предварительные условия для осуществления социализма?

Всякое сознательное человеческое действие предполагает волю. Воля к социализму есть первое условие для осуществления его. Эта воля порождается крупным производством.

В обществах с преобладанием мелкого производства масса населения состоит из собственников промышленных предприятий. Число неимущих незначительно. Идеал неимущего — приобретение мелкого владения. При известных условиях это желание может выразиться в революционных формах, но тогда социальная революция не будет социалистической; она только заново перераспределит уже существующие блага таким образом, что каждый сделается имущим. Мелкое производство всегда порождает только волю к сохранению и приобретению частной собственности на средства производства, но не волю к обобществленной собственности, социализму.

Эта воля возникает у масс только там, где крупное производство достигло уже очень высокого развития и где его преимущество над мелким бесспорно, где разложение его, если бы оно было возможно, было бы регрессом, где рабочие крупного производства могут овладеть собственностью на средства производства только в общественной ее форме, где, наконец, мелкие производства, если они еще сохраняются, все более деградируют, так что собственники начинают все менее и менее извлекать из нее выгоды. Так растет воля к социализму.

Но одновременно с крупным производством возникает также и материальная возможность осуществления социализма. Чем больше число предприятий в странах и чем больше их независимость друг от друга, тем труднее общественно организовать их.

Трудность уменьшается по мере того, как уменьшается число предприятий, а отношения их друг к другу становятся все правильнее и теснее. Наконец, рядом с волей и материальными условиями, так сказать сырым материалом социализма, должна еще существовать также и сила, осуществляющая его. Те, кто хочет социализма, должны быть сильнее тех, кто его не хочет.

Но и этот фактор создается развитием крупного производства. Он означает увеличение числа пролетариев — тех, кто заинтересован в социализме, и уменьшении числа капиталистов. В отношении же к пролетарским промежуточным слоям, мелким крестьянам и мелкой буржуазии, число капиталистов может в течение некоторого времени расти. Но всего быстрее растет в государстве пролетариат.

Все эти факторы непосредственно порождаются экономическим развитием, именно: деятельностью капиталистов, заинтересованных в росте крупного производства. Пролетариат же в этом процессе активного участия не принимает. Это развитие своим происхождением обязано городу и индустрии, но не сельскому хозяйству. Кроме вышеупомянутых факторов для осуществления социализма нужен еще и четвертый: пролетариат должен быть не только заинтересован в социализме, не только овладеть материальными условиями его, но и быть способным удержать и правильно применить их. Только тогда социализм как длительный процесс производства может быть осуществлен.

Для него необходимы развитые условия, известная высота промышленного развития, но также и зрелость пролетариата. Но последний фактор создается не промышленным развитием, не погоней капиталистов за прибылью, а усилиями самого пролетариата, вопреки желанию капитала.

При господстве мелкого производства неимущие распадаются на два слоя: для одного — ремесленных подмастерьев и младших сыновей крестьян — материальная необеспеченность лишь переходная стадия. Они надеются в свое время стать имущими, а потому и заинтересованы в существовании частной собственности. Другой слой неимущих, лишенных всякой надежды на лучшую участь, образует босаяцкий пролетариат, для общества совершенно излишний, даже обременительный слой паразитов, невежественный, без самосознания, без связи между собой. Он не прочь при удобном случае экспроприировать имущих, но отнюдь не склонен, да и не в состоянии, создать новую форму хозяйства.

Капиталистический способ производства овладевает этими неимущими, количество которых в начальную стадию капитализма колоссальных размеров. Из излишних, даже вредных паразитов, он превращает их в необходимейшие элементы экономической основы производства, а следовательно, и общества. Этим, как и увеличением их числа, он увеличивает их силу, оставляя их в невежестве, грубости и неприспособленности. Он не прочь даже свести рабочий класс к их уровню. Чрезмерным, однообразным и бессмысленным трудом, трудом женщин и детей он низводит рабочие классы часто ниже духовного уровня прежних босяков-пролетариев (люмпен-пролетариат). Обнищание пролетариата принимает угрожающие размеры.

Оно дало первый толчок к социализму как стремлению положить конец растущей массовой нищете. Эта нищета грозила сделать пролетариат навсегда неспособным освободить себя своими силами.

Казалось, что лишь сочувствие и сострадание буржуазии должны спасти и привести его к социализму.

Но тщетно было ожидать помощи с этой стороны. Достаточную и необходимую силу для осуществления социализма можно было найти только у тех, кто заинтересован в нем, т.е. у пролетариев. Но разве они не были безнадежно погибшими? Все-таки не все. Все еще существовали отдельные слои, которые сохранили и мужество, и силу для борьбы с нищетой. Это маленькая кучка людей должна была выполнить то, что не удалось утопистам. Путем возрастания она овладевает государственной властью и приводит пролетариев к социализму. Такова была точка зрения и Бланки, и Вейтлинга. Пролетарии, невежественные и неспособные к организации и самоуправлению,

выбирают из своей среды лучших людей и создают из них свое правительство, которое и управляет ими, подобно иезуитам Парагвая.

Вейтлинг все свои надежды возлагал на диктатора, который во главе победоносной революционной армии ввел бы социализм. Он назвал его Мессией.

“Я вижу нового Мессию, идущего с мечом в руках осуществить учение первого”.

Он встанет во главе революционной армии, разрушит гнилое здание старого общественного порядка, отведет источники слез в море забвения и землю превратит в рай (“Гарантии гармонии и свободы”, 3-е издание, 1849 г.).

Величественное, вдохновенное ожидание. Но оно покоится единственно на уверенности, что революционная армия найдет настоящего человека. А раз не питают такой веры в Мессию, если пришли к убеждению, что пролетариат только своими собственными силами может освободить себя, что социализм осужден остаться утопией, если пролетариат не разовьет в себе способности к самоуправлению во всех организациях, которыми он овладеет, а следовательно, и в государстве, — то не провозглашается ли этим безнадежность социализма ввиду растущего обнищания?

Так казалось, но практика и теория скоро нашли выход. В Англии промышленный пролетариат с самого начала был массовым явлением. Там он нашел слабые ростки демократических прав, некоторые возможности организации и пропаганды, а буржуазия звала его на борьбу с дворянством за избирательное право.

Профессиональное движение и чартизм положили начало рабочему движению, противодействию пролетариата обнищанию и несправедливости. Начались стачки, началась великая борьба за избирательное право и за нормальный рабочий день.

Маркс и Энгельс впервые оценили значение этого движения. Не “теория обнищания” характеризует их. В этом они сходились со всеми социалистами. Они возвысились над ней. Они обнаружили не только капиталистическую тенденцию к обнищанию, но и противоположную пролетарскую тенденцию и в классовой борьбе признали великий фактор, который должен возвысить и вооружить пролетариат способностями для завоевания политической власти, ее утверждения и использования. Пролетарская классовая борьба как борьба масс предполагает демократию, хотя и не “безусловную”, “чистую”, но такую, которая необходима для организации и просвещения масс. В подполье этого никогда нельзя сделать. Летучие листки не могут заменить широкой ежедневной прессы. Тайно нельзя организовать массы, а главное, тайная организация не может быть демократической. Она ведет всегда к диктатуре одного лица или небольшой группы руководителей, рядовые же ее члены — ни что иное, как только исполнительные органы ее.

Подобное состояние при полном отсутствии демократизма становится неизбежным следствием для угнетенных слоев. Оно не содействует развитию самоуправления и самостоятельности масс, а способствует чрезмерному росту у руководителей сознания своей мессианской роли и диктаторских замашек.

Тот же Вейтлинг, столь резко выдвигавший роль Мессии, чрезвычайно отрицательно относился к демократии:

“Коммунисты еще окончательно не решили вопроса о форме правительства. Во Франции большинство склоняется к диктатуре, так как по их мнению, народовластие, под которым они понимают власть республиканцев или лучше власть политиков, непригодно для переходного периода от старой к новой, более совершенной организации. Между тем принцип народовластия Кабэ заимствовал у республиканцев,

но он остроумно сумел внести почти незаметно элементы диктатуры на время переходного состояния. Наконец Оун, глава английских коммунистов, хочет, чтоб каждому возрасту соответствовала определенная функция в управлении, так что высшие руководители управления вместе с тем были и старейшими членами его. Все социалисты, за исключением фурийеристов, для которых форма правительства не имеет никакого значения, согласны в том, что форма правления, называемая народовластием, совершенно непригодный и даже вредный якорь для молодого, еще подлежащего осуществлению принципа общественной организации”. (“Гарантии и т.д.”).

Вейтлинг идет еще дальше. Он не допускает демократии даже в социалистическом обществе.

“Единственным смыслом понятия “Народовластие” будет тот, что при народовластии все господствуют, но такого состояния никогда не может быть, поэтому не может быть и господства народа, а возможно лишь случайное господство отдельных лиц”.

Вейтлинг хочет, чтоб управление было в руках величайшего гения. Оно вручается ему после некоторого испытания научными собраниями. Обширная цитата из Вейтлинга имеет целью показать, что презрение к демократии, которое нынче преподносят нам как продукт позднейшей мудрости, довольно старо и является продуктом эпохи примитивного состояния рабочего движения. В то время, когда Вейтлинг с презрением отбрасывал всеобщее избирательное право и свободу печати, английские рабочие боролись за эти права, а Маркс и Энгельс стояли на их стороне.

С тех пор рабочий класс всей Европы шаг за шагом в многочисленных, иногда кровавых битвах завоевывал себе демократические права, и в этой борьбе за права демократии, за расширение, укрепление и пользование ими для своих социальных реформ — совершался рост его духовной мощи, духовной зрелости. Из низшего он становился высшим слоем народных масс.

Но достиг ли он той зрелости, которая необходима для социализма? Существуют ли все другие условия для осуществления социализма? Этот вопрос составляет в данное время предмет живейших обсуждений и споров: одни решают его положительно, другие отрицательно.

Но и то, и другое решение мне кажется поспешным. Эта зрелость не может быть измерима и установлена статистически ранее, чем она будет проверена на практике. Во всяком случае, ошибочно при обсуждении вопроса чрезмерно выдвигать на передний план материальные предпосылки социализма. Конечно, без известной высоты развития крупного производства социализм невозможен, но если утверждают, что социализм осуществим только тогда, когда капитализм не способен к дальнейшему развитию, то для такого утверждения не имеется достаточного доказательства. Правильно лишь то, что для осуществления социализма тем легче, чем больше развито крупное производство, чем меньше предприятий нужно организовывать общественно. Но это положение верно только для одного определенного государства. В рамках подобного упрощения нашей задачи мы натолкнулись бы на тот факт, что с ростом крупного производства рука об руку идет также рост рынка, увеличение интернационального разделения труда, интернациональных торгово-промышленных сношений, а вместе с тем расширение и усложнение проблемы общественной организации производства. Однако решительно нет никакого основания утверждать, что в современных индустриальных государствах с их банковской системой и организациями предпринимателей уже в настоящее время невозможна организация большей части промышленных предприятий государством, общиной и потребительскими товариществами.

Решающим моментом является уже не материальный, а личный фактор, а именно:

достаточно ли силен и интеллигентен пролетариат, чтоб взять в свои руки это общественное регулирование? Т.е. обладает ли он силой и способностями перенести демократический принцип из политики в экономику? А этого-то с определенностью и нельзя сказать. Этот фактор в различных государствах различно развит, да и в одной стране в различные времена неодинаков. Достаточная сила и способность — понятия относительные. Сила недостаточная сегодня, когда противник силен, завтра при наступившем моральном, экономическом и военном крахе противника может оказаться удовлетворительной.

Одни и те же способности, сегодня бессильные при чрезвычайно сложной ситуации, какой является переход власти, завтра, при создавшихся более простых, ясных и материально благоприятных условиях, могут удовлетворять всем требованиям.

Только практика в каждом отдельном случае может показать, действительно ли созрел пролетариат для социализма? С определенностью можно сказать лишь следующее: пролетариат непрерывно растет в числе, силе, интеллигентности, он приближается к зрелости. Но все же заранее нельзя установить момента наступления ее. Нельзя определенно сказать, что он уже зрелый только потому, что он составляет большинство среди народа, последний же в своем большинстве склонен к социализму. Но с уверенностью можно утверждать, что народ не созрел еще до социализма, если большинство его враждебно социализму.

Но и здесь демократия является тем фактором, который не только ускоряет наступление зрелости, но также всего скорее дает возможность установить момент наступления ее.

4. ВЛИЯНИЯ ДЕМОКРАТИИ

Современное государство — строго централизованная организация, располагающая громадной силой внутри современного общества; вторгающаяся в частную жизнь каждого, что всего ярче обнаруживается во время войны. В такой момент каждый чувствует, как его существование определяется политикой государственной власти.

Ту роль, которую прежде играл род, а затем община, теперь приняло на себя государство. Но если первые по своему строению были организованы демократически, то современная государственная власть — бюрократия и армия — стоит над населением; более того, она приобретает такую силу, которая позволяет ей иногда политически возвыситься над общественно и экономически господствующими классами и образовать абсолютное правительство.

Но такое состояние более уже нигде не существует. Абсолютное господство бюрократии ведет к застою, вырождается в нелепый формализм, уже в то время, когда возникает капитализм, один из революционнейших способов производства, который вызывает постоянные изменения во всех экономических и социальных условиях, придает им быстрый темп и требует скорейших решений.

Кроме того абсолютное господство бюрократии ведет к произволу и подкупу; система же общественного производства, какой является капиталистическое, в которой каждый производитель зависит от многих других, для своего развития нуждается в обеспеченности и законности общественных отношений.

Поэтому абсолютное господство все больше становится в противоречие с условиями производства, превращаясь в оковы их. Возникла насущнейшая необходимость подвергнуть общественной критике органы государственной власти, создать рядом с государственной организацией свободные организации граждан, образовать самоуправление общин и провинций, лишить бюрократический аппарат

законодательной власти и подчинить его контролю свободно избранного населением собрания парламента.

Контроль над правительством есть важнейшая задача парламента, в этом не может его заменить никакое другое учреждение. Вполне мыслимо, хотя практически едва ли возможно, лишить бюрократию права законодательствования и поручить составление законов комиссиям специалистов, которые затем предлагали бы их народу для решения. Но даже самые рьяные защитники прямого народного законодательства не говорят о непосредственном контроле народа над правительством. Деятельность центрального, руководящего государственным организмом учреждения может контролироваться только другой центральной организацией, но не неорганизованной, бесформенной массой, какой является народ.

Описанные здесь стремления преодолеть абсолютную власть государства общи всем классам современного государства за исключением тех, кто принимает участие в самой власти. Следовательно, всех, кроме бюрократов, офицеров, придворного дворянства и клира, а также крупных банкиров, совершающих с государством крупные денежные сделки. Под объединенным напором других классов, сельского дворянства, низшего духовенства, промышленных капиталистов абсолютный режим должен был уступить. Он должен был дать свободу печати, собраний, организаций и, наконец, парламент. Этот процесс успешно совершился во всех государствах Европы.

Но при этом каждый класс хотел придать новой государственной форме такой вид, который наиболее соответствовал бы его особым интересам. Это стремление особенно ярко обнаруживается в борьбе за организацию и форму парламента, в борьбе за избирательное право.

Лозунгом низших классов, “народа”, сделалось всеобщее избирательное право. Не только наемные рабочие, но также мелкие крестьяне и мелкая буржуазия заинтересованы в этом праве. Эти классы при всех обстоятельствах и повсюду составляют вместе большинство населения. Преобладают ли в нем пролетарии, это зависит от высоты промышленного развития. Но количество эксплуатирующих вообще от этого не зависит. Эксплуататоры всегда составляют значительное меньшинство.

Ни одна государственная организация не может долгое время выдержать натиска этих масс; к тому же всякое другое, а не всеобщее избирательное право, в современном обществе приводит все к абсурду. В капиталистическом обществе, с постоянным изменением его отношений, классы не могут застыть в крепко сплоченных сословиях. Все социальные отношения пребывают в постоянном процессе изменения. Это делает невозможным сословное избирательное право. Но класс, не организованный в сословие, образует бесформенную текучую массу, точно отграничить которую совершенно невозможно. Класс есть экономическая категория, но не юридическая; даже классовая принадлежность всегда находится в постоянном процессе изменения. Иной мелкий ремесленник при господстве мелкого производства чувствует себя собственником, имущим; при господстве же крупного — пролетарием, которым действительно и становится, хотя статистика и может зачислить его в категорию имущих и самостоятельных предпринимателей. Также и цензовое избирательное право надолго не может гарантировать имущему монополии на парламент. Каждый период обесценивания денег может выбросить его за борт. Наконец, и образовательный ценз все более утрачивает свое значение с прогрессом народного образования.

Так различнейшие факторы ведут к тому, чтобы всеобщее равное избирательное право сделалось в современном обществе единственным рациональным правом.

Прежде всего, оно единственное рациональное право с точки зрения пролетариата как низшего класса населения, сильнейшим оружием которого является его численность.

Он может освободить себя только тогда, когда он сделается самым многочисленным классом, когда капиталистическое общество настолько развилось, что в работающих классах уже не преобладают крестьяне и мелкая буржуазия.

Но пролетариат заинтересован еще и в том, чтобы избирательное право было не только всеобщим и равноценным, но также чтобы оно было безразличным, чтобы мужчины и женщины, например, или наемные рабочие и имущие не голосовали по различным куриям. Каждое такое деление несет с собой не только опасность, что некоторые слои, по всему своему социальному положению принадлежащие к пролетариату, но формально не зачисленные в наемные рабочие, могут быть отделены от него. Оно в большей мере опасно тем, что извращает смысл классовой борьбы пролетариата. Великая историческая заслуга пролетариата заключается в том, что общественные интересы совпадают с его постоянными классовыми интересами, что не всегда равнозначно с его временными интересами.

Зрелость пролетариата выражается в его классовом самосознании, достигшем высшей степени своего развития, в понимании великих общественных связей и целей, понимании, в которое научный социализм вносит полную ясность. Это достигается не только теорией, но и практикой, вмешательством пролетариев в политику в интересах целого, а не ради своих особых интересов. Всякое ограничение профессиональными интересами сужает умственный горизонт, значение пролетариата; последнее одна из теневых сторон “только профессионализма”.

Преимущество социал-демократических организаций и заключается в отрицании этой ограниченности. В этом также и преимущество того избирательного права, которое не делит избирателей на категории.

В борьбе за упомянутые уже политические права возникает современная демократия, зреет пролетариат. Но с ним возникает также и новый фактор: защита меньшинств, оппозиции в государстве. Демократия означает господство большинства, но также и защиту меньшинства.

Абсолютное господство бюрократии стремится увековечить себя. Насильственное подавление всякой оппозиции — ее жизненный принцип. Почти повсюду она могла быть устранена только тем, что ее насилие было сломлено насилием.

Иначе при демократии. Она означает, как было уже сказано, господство большинства. Но большинство меняется. В демократии ни один режим не может рассчитывать на постоянное существование.

Соотношение сил классов вообще не есть нечто постоянное, всего меньше в веке капитализма. Но еще скорее, чем с и л а к л а с с о в, изменяется с и л а п а р т и й, они-то и борются в демократии за господство.

Но и здесь не следует также забывать, как часто это бывает, что упрощение теоретической абстракции, конечно, необходимо для более ясного понимания действительности, но что она имеет значение только “в последнем счете” и что между ней и действительностью существует много промежуточных членов.

Класс может господствовать, но не управлять, ибо класс есть бесформенная масса, управлять же может только организация. Политические партии и управляют в государстве. Но партия не равнозначна классу, хотя, кажется, защищает главным образом классовые интересы. Но один и тот же классовый интерес можно защищать самым различным образом, различными тактическими методами. Сообразно различию последних представители одного и того же классового интереса распадаются на различные партии. Решающим при этом являются прежде всего отношения к другим

классам и партиям. Редко когда один класс может располагать такой силой, которая была бы достаточной для господства его одного в государстве. Раз класс получает власть и не может утвердиться собственными силами, тогда он ищет себе союзника. Но раз для него возможны различные союзники, тогда среди представителей господствующего классового интереса возникают различия во мнениях и партийные дробления, фракции.

Так, в Англии в 18 столетии виги и тори представляли один и тот же интерес землевладения. Но одни стремились достигнуть этого путем объединения с городской буржуазией за счет короны и ее прерогатив власти, другие же считали корону надежнейшей защитой своих интересов. Таким же образом в Англии и других государствах защищаются одни и те же капиталистические интересы консерваторами и либералами. Одни считают, что эти интересы всего лучше охраняются в союзе с поземельной собственностью путем насильственного подавления рабочего класса, другие же, боясь вредных последствий такой политики, стремятся успокоить рабочий класс мелкими уступками, прежде всего за счет земельной собственности.

То, что происходит у экономически и социально господствующих классов и их партий, происходит и в среде поднимающихся классов и их партий.

Партия и класс, следовательно, не совпадают. Класс может распадаться на различные партии, а партии состоят из лиц, принадлежащих различным классам. Класс может оставаться господствующим, и все же может произойти смена правящей партии, если большинство господствующего класса найдет, что метод, практиковавшийся до сих пор правящей партией, недостаточен, а метод конкурирующей с ней более целесообразен.

Но смена партий, стоящих во главе правительства, при демократии происходит значительно быстрее, чем смена господства классов.

При действительной демократии ни одна из партий не может рассчитывать на то, что долго продержится у власти, каждая должна считаться с возможностью, хотя и не надолго, остаться в меньшинстве.

Из этих условий вытекает гарантия прав меньшинства. Чем старше демократия и чем сильнее ее влияние на политические нравы, тем успешнее каждая партия меньшинства может бороться с другой, стремящейся всеми средствами удержаться у власти.

Ясно, какое значение приобретает гарантия прав меньшинства для социалистических партий, которые повсюду при своем возникновении являются ничтожным меньшинством и как она сильно содействует процессу созревания пролетариата. В его собственных рядах гарантия меньшинства также имеет серьезное значение. Всякое новое учение, теоретического или практического характера, при своем возникновении обыкновенно защищается меньшинством. Конечно, насильственно подавляя меньшинство и не вступая с ним в пререкания, большинство иногда оберегает себя от излишних усилий и неудобств, а при некоторых условиях и от излишней работы, так как не всякое учение означает прогресс только потому, что оно ново и представлено меньшинством. Много из того, что выдается за новые идеи, было уже давно высказано и отвергнуто критикой или практикой. Только невежество может вновь и вновь извлекать старый хлам. Другие идеи оригинальны, но облечены в уродливую форму. Хотя и редко случается, что новые мысли и идеи представляют действительно прогресс, все же дальнейшее развитие возможно только благодаря им. Поэтому подавление всех идей меньшинства господствующей партией вредно для пролетарской борьбы и для роста зрелости рабочего класса. Мир непрерывно ставит нас перед новыми и новыми проблемами, разрешить которые нельзя обычными средствами.

Как ни трудно из массы предлагаемых идей извлечь действительно ценное, все же

такая работа необходима и неизбежна, если не хотят, чтоб наше движение окаменело и оказалось бессильным при разрешении своих задач. И то, что имеет значение для партии, не меньшее значение имеет и для государства. Гарантия прав меньшинства — необходимое условие демократического развития, не менее важное, чем господство большинства.

Следует принять во внимание еще одну отличительную черту демократии: форму, которую она придает политической борьбе. Об этом я писал уже в 1893 году в “*Neue Zeit*” в статье о “социал-демократическом катехизисе”, а затем я снова вернулся к этому в 1909 г. в моей книге “Путь к власти”. Кое-что следует привести и здесь:

“Свобода коалиций, печати и всеобщее избирательное право (при некоторых условиях также и всеобщая воинская повинность) представляют не только оружие, составляющее преимущества пролетариата современных государств перед классами, которые вели революционную борьбу в интересах буржуазии; но эти институты бросают свет также на соотношение сил отдельных партий и классов и на дух, одушевляющий их, свет, который отсутствовал в эпоху абсолютизма. Как господствующие, так и революционные классы бродили тогда в темноте. Всякая оппозиция была невозможна. Ни правительства, ни революционеры не могли точно знать своих сил. Каждая партия, не проверив своих сил в борьбе с противником, легко переоценивала их, а первое поражение влекло за собой обратное: недооценку их и утрату веры в себя. Этим и объясняется, почему на эпоху буржуазии приходится так много неуспешных, быстро подавлявшихся восстаний, правительств, быстро свергавшихся, и революций, сменяющихся контрреволюциями.

Совершенно иначе обстоит дело в настоящее время в странах с демократическими учреждениями. Эти учреждения называли предохранительными клапанами общества. Если этим хотят сказать, что при демократическом строе пролетариат перестает быть революционным и удовлетворяется только публичным выражением своего возмущения и своего страдания и отказывается от политической и социальной революции, то тогда это название ошибочно. Демократия не может устранить классовых противоречий капиталистического общества и их неизбежного конечного результата — крушения этого общества. Но одно она в состоянии сделать: предупредить не революцию, но преждевременную и безнадежную революционную попытку, лишнее революционное восстание. Она вносит ясность в соотношении сил партий и классов; она не устраняет их противоречий, не отодвигает конечных целей, но предохраняет выдвигающиеся классы от попыток решить задачи, до которых они еще не доросли, а господствующие классы, которые утрачивают свои силы, заставляет идти на уступки. Направление развития этим не изменяется, но ход его становится ровнее и спокойнее. Движение вперед пролетариата в таких демократических государствах не сопровождается такими блестящими победами, какими отмечается эпоха революционной буржуазии, но и не такими крупными поражениями. Со времени пробуждения современного социал-демократического рабочего движения в шестидесятых годах европейский пролетариат потерпел только одно крупное поражение во время Парижской Коммуны в 1871 г., когда пролетариату было навязано восстание. Франция страдала еще от последствий царизма, лишившего народ действительно демократических учреждений, пролетариат ее только в незначительной части достиг самосознания.

Демократически-пролетарский метод борьбы может казаться скучнее, чем метод борьбы революционной буржуазии; конечно, он менее драматичен и менее эффектен, но зато он требует и меньших жертв. Последнее беллетристу-литератору, для которого социализм — интересный спорт и интересный материал, может быть и безразлично, но это не так для тех, кто непосредственно участвует в борьбе.

Этот так называемый мирный метод классовой борьбы, который ограничивается парламентаризмом, стачками, демонстрациями, печатью и подобными средствами

давления, имеет все основания удержаться в той стране, где демократические учреждения пользуются наибольшим влиянием, где население обладает большой политической и экономической зрелостью и большим самообладанием”.

На этом основании я ожидал, что повсюду, где демократия укрепились, социальная революция пролетариата примет совершенно другие формы, нежели формы буржуазных революций, что пролетарская революция в противоположность буржуазной будет проведена “мирными” средствами экономического, законодательного и морального характера, а не средствами физического насилия (“Путь к власти”). Такого мнения я держусь и теперь.

Естественно, что как у каждого учреждения, так и у демократии имеются не только светлые, но и темные стороны.

Где пролетариат бесправен, там, конечно, он не может создать массовых организаций и вести в нормальное время массовой борьбы; там только избранные, закаленные борцы могут упорно бороться с господствующим режимом. Но эти избранники постоянно наталкиваются на необходимость нанести смертельный удар всей системе. Не затемняемый мелкими требованиями политической повседневности ум направляет все свое внимание исключительно на величайшие проблемы и научается принимать во внимание все взаимоотношения социальных и политических сил.

Только небольшой слой пролетариата вступает в борьбу, но он полон величайшего теоретического интереса от того воодушевления, которое пробуждают только великие цели.

Иначе влияет демократия на пролетария, располагающего при современном способе производства только небольшим досугом, которым он мог бы распорядиться по своему усмотрению. Демократия создает массовые организации, требующие участия граждан в разнообразной работе по управлению, она призывает их к обсуждению и решению многочисленных повседневных вопросов, часто мелких. Большая часть свободного времени пролетария поглощается “мелочной работой”, а его внимание направляется на временные мелкие успехи. Но в узком кругу сужается и его кругозор, а этим и объясняется индифферентизм его к теории, даже презрительное отношение к ней, и оппортунизм вместо великих идей. Если в свое время Маркс и Энгельс с большой похвалой отзывались о немецких рабочих, которые интересовались теорией больше, чем рабочие Западной Европы и Америки, то с тем же правом они могли бы теперь провести подобную параллель между русскими и немецкими рабочими.

И, однако, все же сознательные пролетарии и их представители повсюду борются за демократизм, проливая кровь за него. Они знают, что без демократии не обойтись.

Воодушевляющее влияние борьбы с деспотизмом ограничивается узким кругом избранников, не захватывая широких масс. С другой стороны, не следует преувеличивать развращающего влияния мещанской демократии на пролетариат. Во-первых, причина этого коренится в отсутствии свободного времени, а не в самой демократии. Ведь было бы странным, если бы обладание свободой обязательно делало человека мелочнее и ограниченнее. Чем более демократия способствует сокращению рабочего времени, тем большим досугом располагает рабочий, тем скорее он может посвятить его, попутно с неизбежной мелочной работой, и разрешению великих всеобъемлющих проблем.

К тому же нет недостатка и в побуждающих факторах. При всех стараниях одна демократия не может одолеть противоречий, вытекающих из капиталистического способа производства, пока она не преодолет его самого. Напротив, противоречия в капиталистическом обществе растут, порождают новые конфликты и ставят пролетария

все снова и снова пред великими проблемами, возвышающими его ум над пошлыми буднями. В демократии этот подъем духа не ограничивается только избранниками, но распространяется на народную массу, которая повседневной практикой приучается к самоуправлению.

При демократии пролетариат не всегда думает и говорит только о революции, как при деспотизме. Он годами, даже десятилетиями растрчивает свои силы и внимание на мелочную работу, но в конце концов создаются повсюду такие ситуации, которые вызывают в нем революционное мышление, революционную психологию.

Таким образом, с наибольшей вероятностью можно сказать, что при демократии скорее, чем при деспотизме, революционные выступления не выльются в преждевременный и безнадежный взрыв и что одержанная победа будет успешно закреплена, а плоды ее не погибнут бесследно. А это в конце концов важнее, чем сенсационная революционная драма.

5. ДИКТАТУРА

Демократия есть необходимое условие создания социалистического способа производства. И только при влиянии ее пролетариат достигает той зрелости, которая необходима ему для введения социализма. Демократия является, наконец, самым верным измерителем его зрелости. Между двумя периодами, для которых в одинаковой мере необходима демократия, — периодом подготовки и периодом осуществления социализма — находится период переходного состояния, когда политическая власть пролетариатом завоевана, а социализм экономически еще не проведен. В этот-то промежуточный период демократия, как говорят, не только не нужна, но даже вредна.

Это мнение не ново. Мы встречались с ним у Вейтлинга. Но оно стремится опереться на слова Карла Маркса. В своем письме, посвященном критике готской партийной программы, написанном в мае 1875 г. (напечатано в “Die Neue Zeit” (XI, I, стр. 52), он говорит:

“Между капиталистическим и коммунистическим обществом лежит период революционного превращения одного в другое. Ему соответствует также политический переходный период, государственный строй которого ни что иное, как **р е в о л ю ц и о н н а я д и к т а т у р а п р о л е т а р и а т а**”.

К сожалению, Маркс недостаточно выяснил, что он понимал под диктатурой. Буквально это слово означает уничтожение демократии. Но при таком буквальном понимании оно означает также и единовластие одного лица, не связанного никакими законами, одновластие (самодержавие), которое отличается от деспотизма лишь тем, что оно не постоянное государственное учреждение, но средство преходящее, вызванное обстоятельствами.

Выражение “диктатура пролетариата”, следовательно, диктатура не единоличная, но класса, не позволяет заключить, что Маркс понимал диктатуру в буквальном смысле этого слова.

Он говорит в этом месте не о форме правления, но о состоянии, которое неизбежно должно наступить повсюду, где пролетариат завоюет политическую власть. Что он не имел здесь в виду форму правительства, доказывается его взглядом, что в Англии и Америке переход может совершиться мирным, следовательно демократическим путем.

Конечно, демократия не гарантирует еще мирного перехода, но последний без демократии невозможен.

Однако, чтобы лучше узнать, что думал Маркс о диктатуре пролетариата, нам не надо заниматься разгадыванием шарад. Если в 1875 г. он не разъяснил, что следует понимать под диктатурой пролетариата, то произошло это только потому, что он уже высказался по этому поводу немного ранее в своей работе “Гражданская война во Франции” (1871 г.). Там он говорит:

“Коммуна по существу была правительством рабочего класса, результатом борьбы производящего класса против присваивающего, наконец-то найденной политической нормой, при которой могло совершиться освобождение труда”.

Следовательно, Парижская Коммуна, как решительно установил это Энгельс в своем предисловии к третьему изданию работы Маркса, была диктатурой пролетариата.

Но одновременно она не была уничтожением демократии, но широчайшим применением ее на основе всеобщего избирательного права. Правительственная власть должна была быть подчинена избирательному праву.

“Коммуна образовалась из городских советов, избранных в различных округах Парижа на основе всеобщего избирательного права... Всеобщее избирательное право должно было служить народу, объединенному в коммунах так же, как индивидуальное право служит каждому работодателю для выбора себе рабочих”.

Здесь Маркс все время говорит о всеобщем избирательном праве, о праве всего народа, а не об избирательном праве одного какого-нибудь привилегированного класса. Диктатура пролетариата была для него состоянием, которое необходимо вытекает из чистой демократии при преобладающем положении пролетариата.

Следовательно, тот, кто высказывается за диктатуру, а не за демократию, не смеет ссылаться на Маркса. Естественно, этим не доказывается его неправота, но он должен поискать другие доказательства.

При исследовании этого вопроса нужно остерегаться смешения диктатуры как состояния с диктатурой как формой правления. Такое стремление к последней является спорным вопросом в наших рядах. Диктатура как форма правления равнозначна с лишением прав оппозиции. У нее отменяется избирательное право, свобода печати, коалиций. Следовательно, вопрос ставится так: нужны ли для победоносного пролетариата все эти меры и достигается ли социализм всего лучше при помощи или исключительно только при применении их.

Но прежде всего следует заметить, что если мы говорим о диктатуре как о форме правления, мы не можем говорить о диктатуре класса, ибо, как мы уже отметили, класс может господствовать, а не управлять. Следовательно, если под диктатурой понимать не состояние господства, но определенную форму правления, тогда можно говорить только о диктатуре одного лица или организации. Следовательно — не о диктатуре пролетариата, а диктатуре пролетарской партии. Но тогда проблема тотчас же усложняется, так как сам пролетариат распадается на различные партии. Диктатура одной из них отнюдь уже не будет диктатурой пролетариата, но диктатурой одной части пролетариата над другой. Ситуация еще больше усложняется, если и в социалистических партиях, в их отношении к пролетарским слоям произошел раскол, когда, например, одна партия достигает власти путем объединения городских пролетариев и крестьян. Тогда диктатура пролетариата превращается не только в диктатуру пролетариев над пролетариями, но также в диктатуру пролетариев и крестьян над пролетариями. Тогда диктатура пролетариата принимает поистине удивительные формы.

Какие же основания для того, чтобы господство пролетариата могло и должно было принять форму, несовместимую с демократией? Кто ссылается на слова Маркса о диктатуре пролетариата, тот не должен забывать, что при этом речь идет не о состоянии, которое может наступить при особых условиях, но о таком, которое должно наступить при всех обстоятельствах. Конечно, нельзя допустить, что пролетариат обычно только там достигает господства, где он составляет большинство населения или имеет его за собой. В политической борьбе оружие пролетариата — это его масса наряду с экономической необходимостью. Только там, где он представляет из себя массу, имеет за собой большинство населения, только там он может рассчитывать, что овладеет всеми средствами власти господствующих классов. Это признавали и Маркс, и Энгельс. Поэтому они объявляли в Коммунистическом Манифесте:

“Все предшествовавшие движения были движениями меньшинства и в интересах меньшинства. Пролетарское же движение есть самостоятельное движение огромного большинства в интересах подавляющего большинства”.

Это было правильно и для Парижской Коммуны. Первым делом революционного режима было ознакомление с результатами всеобщего избирательного права. Выборы, проведенные при условиях неограниченной свободы, дали почти во всех округах Парижа громадное большинство коммун. Было избрано 65 революционеров и 21 из оппозиции, из которых 15 отъявленных революционеров и 6 радикальных республиканцев гамбеттского толка. 65 революционеров представляли все существовавшие в то время течения французского социализма. Как ни боролись они между собой, но все же не прибегали к диктатуре друг над другом.

Режим, укоренившийся в массах, не имеет ни малейшего повода посягать на демократию.

Насильственные акты неизбежны, если совершается насилие с целью подавить демократию. На насилие всегда отвечают насилием.

Но строй, имеющий за собой массы, будет употреблять насилие не для уничтожения демократии, а для ее защиты. Уничтожить всеобщее избирательное право, надежнейшее основание, источник колоссального морального авторитета было бы с его стороны ни чем иным, как самоубийством.

Следовательно, диктатура как уничтожение демократии могла бы возникнуть только в исключительных случаях, если необыкновенное стечение благоприятных обстоятельств даст пролетарской партии возможность захватить политическую власть, хотя большинство населения не только не на ее стороне, но даже враждебно ей.

Подобная случайная победа едва ли возможна у народа, прошедшего в течение десятков лет политическую школу, партии которого приобрели определенный, прочный характер. Подобный захват власти уже один указывает на очень отсталые социальные условия. Ну, а если всеобщее избирательное право выскажется против социалистического правительства, должно ли оно будет склониться перед волей народа, как это мы требуем от всякого правительства и продолжить борьбу за государственную власть на основе демократии, или же свергнуть демократию, чтобы укрепиться самому.

Какими средствами диктатура может удержаться у власти вопреки воле большинства народа?

Два пути имеются для этого: путь иезуитизма и путь бонапартизма. Мы уже говорили о государстве иезуитов в Парагвае. Колоссальное духовное превосходство над организованными ими беспомощными туземцами — вот средство, при помощи

которого иезуиты утвердили свою диктатуру.

Но может ли социалистическая партия в европейском государстве достигнуть такого превосходства? Это совершенно немыслимо. Конечно, пролетариат в своей классовой борьбе духовно возвышается над другими производящими классами, мелкой буржуазией и мелким крестьянством. Но одновременно и у последних растет интерес и понимание политической жизни. Расстояние между этими классами никогда не уничтожается.

Наравне с классами физического труда растет также слой интеллигентов, слой, становящийся все многочисленнее и необходимее для производственного процесса, в интересах которого приобретение интеллигенцией знаний, выучки и развития.

Этот слой занимает промежуточное положение между пролетариатом и классом капиталистов и непосредственно не заинтересован в капитализме. К пролетариату он относится с недоверием, считая его еще не созревшим, чтоб взять свою судьбу в собственные руки. Даже лица просвещенных классов, как, например, социалисты-утописты, бывшие искренними борцами за освобождение пролетариата, в начальный период классовой борьбы относились отрицательно к рабочему движению. Но это тотчас же изменяется, как скоро пролетариат своей борьбой начинает проявлять признаки зрелости. Доверие же к пролетариату социалистически настроенной интеллигенции не следует смешивать с доверием, проявленным с 4 августа 1914 г. либералами и центром и даже самими правительствами Германии к правительственным социалистам. Источник первого коренится в убеждении, что пролетариат уже достиг зрелости, чтоб освободить себя своими собственными силами, доверие же второго рода объясняется тем, что социалисты не относятся уже с такой серьезностью, как раньше, к освободительной борьбе пролетариата.

Социалистическое производство немыслимо без интеллигенции или вопреки ее желанию. То, что можно сказать о большинстве населения, недоверчиво или отрицательно настроенного к пролетарской партии, с равным правом относится и к интеллигенции.

Тогда победоносная пролетарская партия не будет интеллектуально превосходить остальное население, наоборот, она будет стоять даже ниже своих противников, хотя в социальном отношении ее теоретическая позиция в общем должна быть высшей.

Следовательно, путь Парагвая для Европы непригоден. Остается путь другой, путь, который избрал Наполеон 1-й 18 Брюмера и его племянник Наполеон 3-й, 2-го декабря 1852 г. Путь управления при помощи превосходства централизованной организации над неорганизованной народной массой и превосходства военной силы, противопоставленной безоружной или утомленной борьбой народной массе.

Может ли быть построено на таком основании социалистическое производство? Этот способ производства означает общественную организацию производства, требующего экономического самоуправления всей народной массы. Государственная организация производства при помощи бюрократии или диктатуры одного народного слоя не означает социализма. Для него нужно, чтобы широкие народные массы прошли школу организационных навыков, нужны многочисленные организации экономического и политического характера и неограниченная свобода их. Социалистическая организация труда не может быть казарменной. Диктатура меньшинства, предоставляя народу полную свободу организации, тем самым подрывала бы свою власть и наоборот, ограничивая для своего упрочнения эту свободу, она замедлила бы переход к социализму.

Свою сильнейшую опору диктатура меньшинства находит в преданной армии. Чем

больше прибегает она к силе оружия, тем сильнее она вынуждает всякую оппозицию видеть свое спасение в апелляции не к избирательным бюллетеням, (в чем ей отказано), а к штыкам. Тогда гражданская война становится формой разрешения политических и социальных противоречий. При отсутствии политической и социальной апатии диктатуре меньшинства угрожают постоянные вооруженные вспышки или партизанская война, легко переходящая в длительные вооруженные восстания широких народных масс, борьба с которыми поглощает все военные силы диктатуры. Гражданская война становится постоянным состоянием диктатуры, так как ей всегда грозит опасность быть свергнутой.

Но нет большего препятствия для создания социалистического общества, чем внутренняя война. При современной стадии широкого географического разделения труда индустриальное крупное производство повсюду находится в сильнейшей зависимости от правильности путей сообщения и обеспеченности договорных отношений. Внешняя война, даже в том случае, если враг и не вторгнулся в страну, причинила бы громаднейший вред осуществлению социализма. С полным правом русские социалисты всех направлений во время нынешней революции могли отметить необходимость мира для воссоздания общества. Но значительно пагубнее, чем внешняя война, для общественного хозяйства гражданская война, неизбежно разыгрывающаяся внутри страны, и не менее, чем вражеское вторжение, опустошающая ее, к тому же еще и более жестокая.

В войнах государств дело обычно идет только о приобретении тех или иных выгод или лишении силы того или иного правительства, но не об уничтожении его. После войны между правительствами и народами устанавливается мир, хотя и не всегда дружба.

Совсем иное отношение партий друг к другу в гражданской войне. Они ведут ее не для того, чтоб принудить противную сторону к уступкам и в дальнейшем жить с ней в мире. В гражданской войне все происходит иначе, чем в демократии, где меньшинства пользуются защитой, где каждая партия, оставшаяся в меньшинстве и в силу этого утратившая власть, не отказывается и не ограничивает свою политическую деятельность, где за каждой партией признается право стремиться снова стать большинством и взять в свои руки управление.

В гражданской войне каждая партия борется за свое существование и грозит побежденному полным уничтожением. Сознание этого легко делает ее чрезвычайно жестокой.

Меньшинство, удерживая свою власть только военной силой, склонно кровавой бойней подавить и истребить своих противников, если восстание грозит его существованию. Парижские июньские дни 1848 г. и кровавая майская неделя 1871 г. дают страшный пример этому.

Система хронической гражданской войны и ее альтернатива — полная апатия народных масс — делают совершенно невозможным создание социалистического способа производства. И вот эту-то диктатуру меньшинства, неизбежно порождающую гражданскую войну или народную апатию, объявляют суверенным средством перехода от капитализма к социализму.

Иногда смешивают гражданскую войну с социальной революцией, считают ее формой последней и склонны неизбежные насилия во время гражданской войны оправдать тем, что без них революция невозможна, что так всегда было, так будет и впредь.

Но мы-то, социал-демократы, не разделяем того мнения, что если до сих пор так было, то и впредь так должно быть. Наши представления о революции создались по образам буржуазных революций. Пролетарская же революция совершится при

совершенно иных условиях.

Буржуазные революции вспыхивали в государствах, в которых деспотизм, опираясь на войско, чуждое народу, подавлял все свободные проявления его, где не существовало свободы печати, собраний, союзов, всеобщего избирательного права и действительного народного представительства. Там борьба с правительством неизбежно принимала формы гражданской войны. Современный пролетариат придет к политической власти, по крайней мере, в тех государствах Западной Европы, в которых демократия, хотя и не “чистая”, уже в течение многих десятилетий пустила глубокие корни, и где военное сословие не так, как прежде, отделено от народа. Посмотрим, как и при каких условиях произойдет завоевание политической власти пролетариатом, составляющим там большинство. Ни в коем случае нельзя допустить, что и в Западной Европе повторятся события Великой французской революции. Если у современной России так много сходного с Францией 1893 года, то это доказывает лишь, что ее революция по своему характеру родственна буржуазным революциям.

Надлежит различать социальную революцию, политическую революцию и гражданскую войну.

Социальная революция есть глубокое изменение всей общественной системы, изменение, истекающее из нового способа производства. Это длительный процесс, длящийся иногда целые десятилетия, границы которого установить невозможно. Успешность его находится в прямой зависимости от мирных форм, в которых он протекает. Как внешняя, так и внутренняя война — его смертельные враги. Социальная революция начинается обыкновенно политической, внезапным сдвигом в соотношении сил классов государства, причем класс, лишенный до сих пор политической власти, овладевает политическим аппаратом. Политическая революция — внезапный, быстро протекающий и завершающийся политический акт. Его формы зависят от форм государства. Чем сильнее путь демократизма не только формально, но и фактически пропитал рабочие массы, тем больше шансов за то, что политическая революция будет мирной, и наоборот, чем менее господствующая до сих пор система опирается на большинство населения, а является выражением воли меньшинства, располагающего военной силой, тем вероятнее, что политическая революция примет формы гражданской войны.

Но и в последнем случае защитники социальной революции глубоко заинтересованы в том, чтобы гражданская война была скоропреходящим эпизодом, необходимым для проведения и укрепления демократии, чтобы затем демократия вступила в свои права, т.е. чтобы революция не шла дальше желаний большинства населения, так как дальнейшее развитие ее, как ни желательна немедленная реализация ее конечных целей, не нашла бы необходимых условий для создания чего либо устойчивого.

Но разве террор пролетариев и мелких буржуа в Париже, т.е. диктатура меньшинства в эпоху Великой французской революции, не имел колоссального исторического значения?

Конечно. Но какого же рода было оно? Диктатура была детищем войны, которую вели союзные монархи Европы против революционной Франции. Отразить этот натиск было исторической задачей террора. Он доказал с неопровержимой ясностью старую истину, что диктатура пригоднее для ведения войны, чем демократия. Но он отнюдь не доказал, что она — метод пролетариата для того, чтобы провести в своем духе социальные преобразования и утвердить свою политическую власть.

Террор 1793 г. развил величайшую энергию, но несмотря на это парижским пролетариям не удалось удержаться у власти. Диктатура стала методом борьбы между собой различных фракций пролетарской и мелкобуржуазной политики, а в конце

концов методом уничтожения и той, и другой.

Диктатура низших слоев прокладывает путь диктатуре сабли. Если хотят сказать, имея в виду буржуазные революции, что революция вообще равнозначна гражданской войне и диктатуре, тогда должно было бы сделать из этого такой вывод: революция с необходимостью кончается господством Кромвеля и Наполеона.

Но это отнюдь не необходимый исход пролетарской революции — там, где пролетариат составляет большинство нации и где последняя организована демократически. А ведь только там имеются налицо условия социалистического производства.

Под диктатурой пролетариата мы понимаем его господство на основе демократии.

6. КОНСТИТУАНТА (УЧРЕДИТЕЛЬНОЕ СОБРАНИЕ И СОВЕТ)

Вопрос о демократии и диктатуре, об их противоречии, приобрел злободневное значение в современной русской революции.

Русские социалисты вступили в нее в состоянии полного раскола. Они распадались на социалистов-революционеров и марксистов. Первые представляют главным образом крестьянство, которое в России в противоположность всему европейскому крестьянству есть революционный фактор и идет рука об руку с социалистическим пролетариатом. Им противостоят марксисты, представители промышленного пролетариата. Они снова распадаются на два направления: меньшевиков, полагающих, что при данных экономических условиях России революция может быть только буржуазной, если она не совпадает с европейской социалистической, и большевиков, верящих во всемогущество воли и силы и стремящихся, несмотря на отсталость России, провести теперь же социалистическую революцию. В течение революции противоречия углубились, меньшевики считали своей задачей до созыва национального учредительного собрания и установления последним окончательной формы правления участвовать во временном коалиционном правительстве. Большевики же желали еще до созыва учредительного собрания свергнуть это временное правительство и заменить его партийным.

К этому присоединилось еще глубокое разногласие в вопросах о мире. Меньшевики, так же как и большевики, желали немедленного мира, и те и другие желали его на основе Циммервальда — никаких аннексий, никаких контрибуций. Оба направления были представлены в Циммервальде. Меньшевики имели там большинство и хотели всеобщего мира, добиваясь принятия всеми воюющими сторонами лозунга: без аннексий и контрибуций. Пока это не достигнуто, русская армия должна оставаться под ружьем. Большевики же требовали немедленного мира во что бы то ни стало и были готовы, если нужно, заключить сепаратный мир; они старались добиться его всеми силами, увеличивая уже и без того наступившую дезорганизацию армии.

Им содействовала усталость от войны войска и народа, а также и кажущаяся бездеятельность временного правительства, которое в политических и социальных реформах сделало значительно больше, чем какое либо буржуазное правительство за тот же период времени, но во всяком случае не столько, сколько ожидалось от революционного правительства. Созыв учредительного собрания нельзя было провести так быстро, как желали. Прежде всего надлежало обновить старый чиновничий аппарат и создать демократические городские и земские правительства.

Выставление списков избирателей в таком колоссальном государстве, в котором последняя народная перепись была в 1897 г., натолкнулось на непреодолимые трудности. Вследствие этого созыв учредительного собрания снова отодвигался. Но

прежде всего заключение мира не налаживалось. Какие бы факторы ни играли роли при этом, но факт остается фактом, что государственные люди согласий не понимали, как необходимо было тогда даже для них самих возвестить о своей готовности заключить мир без аннексий и контрибуций. Они вели такую политику, благодаря которой согласие и солидарное с ним временное правительство в глазах русского народа казалось препятствием к миру. Это и было причиной того, что часть меньшевиков — интернационалисты — требовала разрыва с согласием и встала в оппозицию временному правительству. Но и они не шли так далеко, как большевики. При этих обстоятельствах большевики значительно выиграли во влиянии на массы за счет меньшевиков, и в ноябре прошлого года им удалось свергнуть временное правительство. Их пропагандистская сила оказалась настолько велика, что они были в состоянии привлечь на свою сторону часть социалистов-революционеров. Левые социалисты-революционеры отныне идут вместе с большевиками и входят в их правительство; правые же, как и центр, остаются на стороне меньшевиков.

Свою силу большевики черпали из великих чаяний, вызванных ими у народа; чтоб сохранить ее, они должны были удовлетворить эти чаяния. Но было ли это возможно?

Большевистская революция базировалась на предпосылке, что она станет исходным пунктом всеобщей европейской революции, что отважная инициатива России вызовет восстание европейского пролетариата.

При этих предпосылках, естественно, было совершенно безразлично, какие формы примет сепаратный мир, как урежет он границы России, какое бремя возложит на народ и какое толкование самоопределения народов принесет с собой. Было безразлично и то, будет ли способна Россия к дальнейшей войне, или нет. Европейская революция, по их мнению, должна была быть лучшим оплотом русской революции, она должна была принести полное и настоящее самоопределение народам, находящимся на русской территории.

Европейская революция, проведя и укрепив у себя социализм, станет орудием устранения всех препятствий, стоящих, благодаря экономической отсталости России, на пути к проведению в ней социалистического производства.

Все это было логично и достаточно обосновано, как скоро принята предпосылка, что русская революция неизбежно вызовет европейскую. А что же тогда, когда последняя не наступит?

Предпосылка пока еще не подтвердилась. И европейские пролетарии обвиняются в измене русской революции, но это ни что иное, как обвинение неизвестного, ибо кого же можно сделать ответственным за поведение европейского пролетариата?

Старое марксистское положение гласит: революции не случаются, а порождаются условиями. Условия же Западной Европы так отличны от условий России, что революция в последней может и не быть прологом революции на Западе.

Когда в 1848 г. вспыхнула революция во Франции, она тотчас же перебросилась в Восточную Европу, но остановилась на русской границе; и обратно: когда революция 1905 года разбила свои оковы, она вызвала на Западе некоторое более сильное движение и борьбу за избирательное право, но ничего, что можно было бы назвать революцией.

Но особенно упрекать большевиков за то, что они ожидали европейской революции, нельзя. Ведь и другие социалисты тоже ожидали. Да и мы приближаемся к такому состоянию, которое принесет с собой значительное обострение классовой борьбы и целый ряд неожиданностей. И если большевики до сих пор заблуждались в своих

ожиданиях революции, то разве не ошибались иногда также Бебель, Энгельс, Маркс? Этого, конечно, нельзя отрицать. Разница между ними лишь в том, что последние никогда не назначали для революций определенного срока, не строили на этом своей тактики и не ставили существование своей партии и развитие пролетарской классовой борьбы в зависимость от наступления революции, а пролетариат перед дилеммой: революция или банкротство.

Как все политики, так и они ошибались иногда в своих ожиданиях, но никогда такая ошибка не могла завести их на ложный путь или в тупик.

Наши большевистские товарищи поставили все на карту всеобщей европейской революции. Когда карта была бита, они должны были пойти по пути, который ставил перед ними неразрешимые задачи.

Без армии они должны были защищать Россию от могущественного и беспощадного врага; создать режим благосостояния для всех при всеобщем разложении и обеднении. Чем меньше было материальных и интеллектуальных условий для того, к чему они стремились, тем больше они вынуждались заменить недостающее применением голой силы диктатуры, и тем скорее, чем больше росла оппозиция против них в народных массах. Отсюда с неизбежностью диктатура вместо демократии.

Но если большевики ошиблись в своих расчетах, что, став правительством, им удастся развязать европейскую революцию, то не в меньшей мере ошиблись они и в другом ожидании, что достаточно им захватить в свои руки бразды правления, как ликующее большинство народа пойдет за ними. Правда, при создавшихся в России условиях они как оппозиция могли, как было уже отмечено, развить громадную пропагандистскую силу. Ничтожная кучка в начале революции, они стали настолько сильны, что могли захватить в свои руки власть. Но имели ли они за собой массы населения?

Это должно было установить учредительное собрание, созыва которого требовали как другие революционеры, так и сами большевики. Последние особенно бурно требовали некоторое время созыва учредительного собрания на основе всеобщего равного прямого и тайного избирательного права.

Непосредственно после завоевания правительственной власти большевиками новый строй был признан вторым российским съездом советов при протесте сильного меньшинства, покинувшего съезд. Но и большинство пока еще не отвергало учредительного собрания. Резолюция, утверждавшая советское правительство, начиналась словами: “для управления страной до с о з ы в а у ч р е д и т е л ь н о г о с о б р а н и я учреждается временное правительство рабочих и крестьян, которое называется: “С о в е т о м Н а р о д н ы х К о м и с с а р о в”.

Здесь, следовательно, учредительное собрание еще признается инстанцией, стоящей над “Советом Народных Комиссаров”.

3-го ноября правительством была распущена Петроградская городская дума под предлогом, что она противоречит взглядам населения, выраженным в резолюции 7-го ноября и “при в ы б о р а х в у ч р е д и т е л ь н о е с о б р а н и е”.

Были назначены новые выборы на основе существующего избирательного закона. Скоро, однако, стали колебаться и по отношению созыва учредительного собрания, 7-го декабря Всероссийский Исполнительный Комитет Советов опубликовал решение, в котором говорилось:

“Всякое представительное учреждение может быть признано истинно демократическим и выражающим народную волю только при условии, если за избирателями признано

право отозвания депутатов. Этот принцип истинной демократии сохраняет силу как для всех представительных учреждений, так и для учредительного собрания.

Съезд советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, избранный на паритетном основании, имеет право назначать новые выборы всех городских, сельских и иных представительных учреждений, не исключая учредительного собрания. По требованию более половины избирателей означенного избирательного округа советы должны назначить новые выборы”.

Требование, чтобы большинство избирателей могло во всякое время отозвать депутата, не выражающего их желаний и взглядов, вполне соответствует принципам демократии. Но с этой точки зрения непонятно, при каких условиях советы назначают новые выборы. Пока в отношении к учредительному собранию ограничивались только этим. Еще не посягали как на само учреждение, так и на выборное право.

Но вот с каждым днем становилось очевиднее, что выборы не дадут большинства большевикам. Тогда “Правда” опубликовала 26-го декабря 1917 г. ряд тезисов об учредительном собрании, набросанных Лениным и принятых центральным комитетом. Два из них особенно важны. Первый говорит, что выборы произошли вскоре после победы большевиков, прежде чем раскололись социалисты-революционеры. Левые и правые социалисты-революционеры имели общий список кандидатов, а следовательно, выборы не дали ясной картины действительного настроения страны.

Кто держался этого мнения, для того, ввиду указа 7-го декабря, был ясен и вывод: назначение новых выборов в учредительное собрание в округах, где избраны были социалисты-революционеры. Для какой иной цели было бы принято такое решение? Однако 26-го декабря оно было забыто. Теперь неожиданно в другом тезисе раздается совершенно иная песня Ленина. Доказав нам, что только что избранное учредительное собрание никуда не годится, потому что оно не выражает истинного настроения всей народной массы, он заявляет вообще, что всякое избранное на основе всеобщего избирательного права, а следовательно, и избранное народными массами учредительное собрание никуда не годится.

“Советская республика представляет не только высшую форму демократических учреждений (в сравнении с буржуазной республикой и учредительным собранием — ее венцом), но она также и единственная форма, которая делает возможным безболезненный переход к социализму”.

Плохо лишь то, что к такому выводу пришли только тогда, когда в учредительном собрании остались в меньшинстве. Раньше же никто так бурно не требовал его созыва, как сам Ленин.

Конфликт с учредительным собранием сделался неизбежным. Он кончился победой советов, диктатура которых была провозглашена постоянной формой правительства России.

7. СОВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА

Советская организация — продукт русской революции 1905 г. Тогда происходили массовые выступления, для которых пролетариату необходима была особая массовая организация. Тайные организации социал-демократов, как и социалистов-революционеров, охватывали только сотни членов, влиявших на несколько тысяч рабочих. Политические и профессиональные организации не могли возникнуть при царистском абсолютизме. Единственные массовые организации рабочих, с которыми мы встречаемся в революции, а именно: фабрично-заводские комитеты, были созданы самим капиталом. Они стали теперь организациями пролетарской массовой борьбы.

Каждый заводской комитет превратился из центра материального производства в центр политической пропаганды и активных выступлений. Рабочие одного и того же заводского комитета сообща избирали делегатов, которые объединялись в совет делегатов. Меншевики дали первый толчок этому движению, имевшему громадное значение. Так была создана самая широкая форма пролетарской организации, потому что она включала в себя всех рабочих. Она облегчала широкие выступления и оставила глубокое впечатление на рабочих. Когда вспыхнула русская вторая революция 1917 г., немедленно возникла опять и советская организация, по на этот раз более совершенная, соответственно с приобретенной со времени первой революции зрелостью пролетариата. Советы 1905 г. были местными организациями, ограниченными несколькими отдельными городами. Советы же 1917 г. были не только многочисленнее, но они иступили в тесную связь и соединились в большие союзы, которые снова слились в одну организацию, охватившую все государство, органом которой стал всероссийский съезд советов, — учреждение, созываемое время от времени, и центральный исполнительный комитет — учреждение постоянное.

Уже в настоящее время советская организация может похвастаться своим славным прошлым. Еще более блестящее будущее предстоит ей, и не в одной России. Повсюду обнаруживается, что методы экономической и политической борьбы, которыми пользовался пролетариат, совершенно бессильны против экономических и политических сил финансового капитала. Отказываться от них, конечно, не следует, так как они необходимы для нормального времени, но недостаточны для тех задач, успешное разрешение которых зависит только от объединения всех экономических и политических средств пролетариата.

Русская революция 1905 года рассеяла предубеждение немецких социал-демократов к идее массовой стачки. Партийный съезд 1905 г. признал ее, а съезд 1906 г. постарался успокоить опасения и самолюбие служебного персонала профессиональных союзов. Он принял следующее решение о массовой стачке:

“Как скоро партийное правление признает необходимость массовой стачки, оно сносится с генеральной комиссией и принимает все необходимые меры для успешного проведения ее”.

В настоящее время опыт показал нам, что принятое решение в своей основе неудачно. Во-первых потому, что массовая стачка может только тогда рассчитывать на наибольший успех, когда она возникает неожиданно, стихийно. Назначение ее руководителями партии или профессиональных союзов после предварительного соглашения требует обстоятельной подготовки, способной сразу парализовать успех ее.

К тому же присоединяется еще и то обстоятельство, что бюрократия профессиональных союзов всегда противится крупным выступлениям. Профессиональные союзы безусловно необходимы, так как пролетариат тем сильнее, чем больше число членов и денежных средств у его союзов. Но широкие, длительные организации с крупными денежными средствами не мыслимы без специализировавшегося персонала управления, бюрократии. Эта бюрократия столь же необходима, как и сами профессиональные союзы. Подобно парламентаризму и демократии, у нее имеются теневые стороны, но, как и они, она столь же необходима для освобождения пролетариата.

Отсюда, однако, не следует, что нужно считаться со всеми ее притязаниями. Деятельность бюрократии должна ограничиваться только тем, что составляет ее первейшую задачу, в которой ее нельзя никем заменить, а именно: управление фондами профессиональных союзов, расширением организации и советами и руководством рабочих в борьбе. Но она не пригодна для руководства той могучей массовой борьбой, которая все более и более делается знаменем времени. Руководители

профессиональных союзов, как и парламентарии, могут быть очень полезны своим опытом и своими знаниями, но непосредственное руководство всегда будет принадлежать советам рабочих. Кроме России и в других странах, например, в Англии, такие учреждения (shops assistants или choops stewards) наравне с профессиональными союзами играли значительную роль при массовой борьбе.

Следовательно, советская организация — одно из важнейших явлений нашего времени. Она должна приобрести решающее значение в великой и решительной борьбе труда с капиталом.

Но можем ли мы теперь требовать большего от советов? Большевики, получившие вместе с левыми социалистами-революционерами после ноябрьской революции 1917 г. большинство в советах, после разгона учредительного собрания решили из совета, который до сих пор был боевой организацией, сделать государственную организацию.

Они уничтожили демократию, которую народ завоевал в мартовскую революцию. Соответственно с этим большевики перестали называть себя социал-демократами, а приняли название коммунистов.

Правда, они не хотят совершенно отказаться от демократии. Ленин в своей речи 28-го апреля называет советскую организацию “высшим типом демократии”, “полным разрывом с ее буржуазной карикатурой”. Для пролетария и бедного крестьянина теперь восстановлена полная свобода.

Но под демократией до сих пор понимают равенство политических прав всех граждан. Привилегированные слои всегда пользовались свободой движения. Но это не называют демократией.

Советская республика должна быть организацией диктатуры пролетариата, которая, как говорит Ленин, должна сделать “возможным безболезненный переход к социализму”. Этот переход должен начаться тем, что “все не представленное в советах население делается политически бесправным”.

Мы изложили все, что нужно было сказать об идее диктатуры пролетариата. Еще несколько замечаний о ее осуществлении в советах.

Почему советы должны сделать безболезненный переход к социализму, чем он возможен был бы при всеобщем избирательном праве? Очевидно потому, что капиталисты таким образом были бы лишены права принимать участие в законодательстве.

Но возможны два случая. Или капиталисты и их приверженцы составляют незначительную кучку, но тогда, — как они могут при помощи всеобщего избирательного права затруднить переход к социализму? Наоборот, если они при всеобщем избирательном праве представляют из себя не имеющее значения меньшинство, то они скорее примирятся со своей судьбой при существовании демократии, чем тогда, когда избирательное право будет таково, что ни один человек с определенностью не может сказать, какая партия имеет за собой большинство населения. Кроме того, лишить прав одних только капиталистов поистине нельзя. Кого следует признать капиталистом в юридическом смысле? Имущего?

Даже в такой экономически прогрессивной стране, как Германия, с таким многочисленным пролетариатом, установление советской республики лишило бы политических прав громадную массу населения. В 1907 г. в Германской империи из числа лиц, занятых в профессиях (занятых промыслом и их семей) трех больших групп

— сельского хозяйства, индустрии и торговли — на группу служащих и наемных рабочих приходится немного свыше 35 миллионов, число самостоятельных — 17 миллионов. Следовательно, партия могла бы иметь на своей стороне большинство наемных рабочих и все же составлять меньшинство населения. С другой стороны, при всеобщем избирательном праве рабочим, если они сплоченно голосуют, нечего бояться своих врагов. Всеобщее избирательное право, вынуждая их к борьбе с всеобщим врагом, скорее их сплотит, чем ограничение борьбы советом, из которого исключены классовые противники и в котором политическая борьба одной социалистической партии вырождается исключительно в травлю других социалистических партий. Вместо классового сознания воспитывается сектантство.

Теперь рассмотрим другую альтернативу. Капиталисты и их приверженцы не меньшинство, но громадная масса, которая, конечно, в выбранном на основе всеобщего избирательного права парламенте могла бы составить серьезную оппозицию. Улучшается ли что-нибудь от того, что эту оппозицию приводят к молчанию в законодательном учреждении?

Сами капиталисты повсюду составляют только топкий слой. Но их придаток по отношению к социалистам может быть очень большим. Не следует думать, что капитализм защищают только продажные или лично заинтересованные в нем люди. Кроме социализма в настоящее время только капитализм является единственно возможной прогрессивной формой производства. Всякий передовой человек, который считает невозможным наступление социализма при данных условиях, должен высказаться за капитализм, хотя сам лично может быть и не заинтересован в нем. Но также многие из отсталых и враждебных капитализму слоев стоят на почве частной собственности на средства производства, следовательно на почве, на которой вырастает капитализм. Поэтому в отсталой стране число прямо или косвенно поддерживающих капитализм может быть очень большим. Оппозиция их не сужается тем, что их лишают избирательного права. Тем энергичнее будут они бороться всеми средствами с новым режимом тирании. При всеобщем избирательном праве, при настоящей демократии все классы и их интересы представлены в законодательном собрании соответственно их силе. Каждый класс и партия может подвергнуть самой беспощадной критике каждый законопроект, вскрыть его слабые стороны, а также узнать и численность противников, которых он находит среди населения. В совете же всякая враждебная критика исключена, слабые стороны не так легко обнаруживаются, и только позднее, когда закон уже издан, узнают о критике и противодействии ему. Слабые стороны обнаруживаются не при обсуждении, а при проведении его в жизнь. Так и советское правительство, издавая очень важные законы, впоследствии видело себя вынужденным ослабить их последующими дополнениями или не столь прямолинейным применением их, а это ни что иное, как впускать через заднюю дверь те элементы, которые торжественно были выброшены через переднюю. Что сословное избирательное право сравнительно со всеобщим имеет тенденцию сужать умственный кругозор участвующих, на это мы уже указывали. Можно сильно сомневаться, что всем этим переход к социализму делается менее болезненным, чем при всеобщем избирательном праве и свободном обсуждении всеми партиями, представленными сообразно их силе.

Но еще более, чем безболезненность, сомнительна при советской конституции диктатура пролетариата. Диктатура конечно, но пролетариата ли?

При экономической структуре России советы могли занять господствующее положение только благодаря тому, что они в 1917 г. не ограничивались, как в 1905 г., городским промышленным пролетариатом. На этот раз в советы организовались также солдаты и крестьяне. С разложением армии солдаты утратили свое численное значение. Небольшое войско, набранное народными комиссарами, было для них ценнее штыками, чем избирательными бюллетенями, хотя, правда, и бюллетени красной армии играли немаловажную роль. В различных советах, например, при последних выборах в

Петрограде им досталась значительная часть мандатов. Но еще более важными были голоса крестьян, составляющих громадное большинство населения России. При советской конституции они являются большинством населения, имеющим право участия в законодательстве и правительстве. То, что выставляется диктатурой п р о л е т а р и а т а, будучи проведено последовательно непосредственно классом, а не партией, что совершенно невозможно, оказалось бы диктатурой к р е с т ь я н с т в а. Следовательно, может казаться, что безболезненное проведение социализма обеспечено только тогда, когда оно в руках крестьян. Но если крестьяне составляют в советской организации большинство, то последняя, с другой стороны, не охватывает всего пролетариата.

В начале не было ясно, кто может организоваться в советы и какие советы примыкают к всеобщей организации. Часто господствовало мнение, что всякая профессиональная организация может образовывать совет, 28-го мая Лейпцигская газета поместила статью, несомненно идущую из большевистских кругов, под заглавием “Советская Республика”. Там говорится:

“Советское правительство превосходит всякое другое демократическое правительство, оно предоставляет всем гражданам совершенно равные права, все классы пользуются равной возможностью быть представленными в советах соответственно их силе и их социальному весу. Само собой разумеется, для этого они должны сначала организоваться, конечно, не по образу бывшего демократизма, но соответственно новым демократическим формам в особые классовые или профессиональные организации”.

Легин и Комп. могли бы от всей души порадоваться такому низведению социал-демократической п а р т и и на уровень п р о ф е с с и о н а л ь н о й о р г а н и з а ц и и; но и для реакционеров, помогающих замены всеобщего равного избирательного права — сословным, это было бы цветком, из которого они могли бы высасывать мед.

Защитник пролетарской революции продолжает:

“Буржуазия как таковая до сих пор не имела своего представительства в советах не потому, что она не допускается в них, но потому, что она со своей стороны бойкотирует советскую власть и не склонна организовываться по пролетарскому образцу”.

Но действительно ли она не склонна к этому? Разве наш большевистский друг ничего не слышал об предпринимательских организациях? И разве отдельный капиталист при всеобщем избирательном праве для него кажется опаснее, чем организация предпринимателей, представленная в союзе советов? Но нас сейчас же поучают, в чем состоит превосходство советской организации над всеобщим избирательным правом:

“Само собой разумеется, что всякая боевая организация буржуазии в советы не допускается”.

Другими словами, советская организация имеет пред всеобщим избирательным правом преимущество большого произвола. Она может исключить из своей среды все организации, рассматриваемые ею как враждебные. “Она представляет всем гражданам совершенно равные права”, но, “само собой разумеется” они могут пользоваться ими только в духе советского правительства. Впрочем, впоследствии нашли, что и этого мало. Последний всероссийский съезд советов, закрывшийся 12-го июля, выработал конституцию русской советской республики. Последняя устанавливает, что не все принадлежащие к русскому государству, но только определенные категории имеют право избирать депутатов в советы.

Избирательным правом пользуются только те, “кто приобретает средства к жизни производительным или общепользным трудом”. Но что такое “производительный и общепользный труд”? Это очень растяжимое понятие. Не менее растяжимо и определение тех, кто лишен избирательного права. К ним принадлежат те, “кто пользуется трудом наемных рабочих для получения прибыли”. Работник на дому или мелкий мастер, имеющий подмастерье, может и жить, и чувствовать по-пролетарски, но он не пользуется избирательным правом. В силу этого определения делаются бесправными также пролетарские мелкие торговцы и торговые посредники. Стоит безработному, чтоб как-нибудь просуществовать, открыть зеленую лавочку или начать продавать газеты, как он тотчас утрачивает избирательное право.

В дальнейшем конституция лишает этого права лиц, получающих нетрудовой доход, например, получающих “проценты на капитал, прибыль с промышленных предприятий, доход от имущества”. А как велик “нетрудовой доход”, влекущий за собой потерю избирательного права, об этом не говорится. Следует ли считать доходом владение сберегательной книжкой? Иной рабочий, именно в небольших городках, обладает домиком. Чтобы просуществовать, он пускает к себе квартиранта. Попадает он благодаря этому в категорию людей, получающих нетрудовой доход? Недавно в Петербурге бастовала Обуховская фабрика — “Оплот революции”, как Троцкий назвал ее в 1909 г. (“Россия в революции”). Я спросил одного большевистского товарища, как он объясняет это выступление против советского правительства.

“Очень просто, — сказал он, — там все рабочие капиталисты, все владеют домиками”.

Отсюда видно, как мало нужно, чтоб быть причисленным по избирательному регламенту советской республики к капиталистам и утратить избирательное право.

Столь растяжимое определение понятия избирательного права, открывающее двери широчайшему произволу, лежит не в законодателе, а в самом предмете, так как совершенно невозможно юридически точно установить понятие пролетария.

Я не нашел постановления о создании такого учреждения, на обязанности которого лежала бы проверка правомочий, выставление избирательных списков, а также установление порядка самих выборов, должны ли они быть тайными, или ограничиваться простым поднятием рук.

Параграф 70 устанавливает: “Точный порядок выборов определяется местными советами на основании инструкции Всероссийского Центрального Комитета”.

Ленин в речи 28 апреля о социалистическом характере советов, между прочим, сказал следующее: 1) избирателями могут быть только работающие и эксплуатируемые массы; буржуазия исключается. 2) При выборах всякие бюрократические формальности и ограничения отбрасываются. Сами массы определяют порядок и назначают срок выборов.

Следовательно, может казаться, что каждое избирательное собрание может установить по своему желанию порядок выборов. Этим произвол и возможность освободиться от неудобных оппозиционных элементов внутри самого пролетариата чрезвычайно усиливается.

Мимоходом следует заметить, что выборы в областные советы не прямые, что снова облегчает давление на выборы не в пользу оппозиции. И все же до сих пор в Советах нельзя было помешать высказываться оппозиции.

Но, очевидно, “безболезненный” переход к социализму требует молчания оппозиции и критики. Так, 14 июня с. г. всероссийским центральным исполнительным комитетом

было принято следующее решение:

“Представители партии социалистов-революционеров (правого крыла и центра) и меньшевики исключаются, вместе с тем всем советам рабочих, солдатских, крестьянских и казацких депутатов рекомендуется удалить из своей среды представителей этих фракций”.

Эта мера направлена не против определенных лиц, совершивших тот или иной наказуемый поступок, так как вообще тот, кому вменяется господствующим режимом подобный проступок, тот без дальнейшего арестуется, а не исключается. В конституции советской республики нет ни слова об иммунитете депутатов совета. Из советов исключаются не определенные лица, а определенные партии. Но практически это означает ни что иное, как то, что все пролетарии, стоящие на платформе тех партий, утрачивают свое избирательное право. Их голоса уже более не принимаются в расчет. Для этого определенной границы не проведено. 23-й параграф конституции советской республики постановляет: “В интересах рабочего класса как целого Российская федеративная социалистическая республика лишает отдельных лиц и целые группы прав, которыми они пользуются во вред социалистической революции”.

Этим вся оппозиция объявлена вне закона. Ибо каждое правительство, также и революционное, находит, что оппозиция злоупотребляет своими правами. Но даже и этого было мало, чтобы обеспечить безболезненный переход к социализму.

Едва большевики в советах освободились от оппозиции меньшевиков, центра и правого крыла партии социалистов-революционеров, как вспыхнула сильная борьба между ними и левыми социалистами-революционерами, с которыми они составляли правительство. Тогда большая часть и этих последних была выброшена из советов.

Так среди самого пролетариата все более сужается круг пользующихся политическими правами лиц, на которые опирается большевистский режим. Несмотря на притязания быть диктатурой пролетариата, она стала с самого начала диктатурой одной партии внутри пролетариата. Но если некоторое время она и могла быть диктатурой большинства пролетариата над меньшинством, то в настоящее время и это стало сомнительным.

Но каждый режим, хотя бы самый диктаторский, старается быть выразителем потребностей большинства, и не только пролетариата, но и всего народа. Даже большевики — и те не могут уклониться от этого.

Парижский “Populaire” от 6-го июля сообщает о беседе Лонге с лондонским посланником советской республики, Литвиновым. Лонге заметил между прочим:

“Вы знаете, гражданин Литвинов, что даже те западно-европейские товарищи, которые питают сильнейшую симпатию к вашему движению, были огорчены разгоном учредительного собрания. Лично я Вам уже говорил об этом в Дженнере, когда последний раз виделся с Вами. Не думаете ли вы назначить новые выборы учредительного собрания, чтоб устранить направленные на вас нападки”. На это Литвинов ответил:

“В настоящий момент, ввиду данной ситуации, это совершенно невозможно. Выраженная в форме советов демократия — точное выражение воли масс — есть единственная форма правительства, соответствующая русским условиям в настоящее время. Впрочем, те, кто заявлял протест против последних советских выборов, бывших для них уничтожающими, напали бы и на выборы в новое учредительное собрание, при которых мы конечно имели бы большинство”.

Если т. Литвинов и его друзья так уверены в этом, то почему им безразлично, что выборы приостанавливаются? Если последние произойдут при полной свободе и дадут большевикам большинство, нынешнее правительство приобретет значительно больший моральный базис как внутри, так и за границей, больший, чем тот, который может приобрести советское правительство при его нынешних выборных и правительственных методах.

Прежде всего у социалистической критики был бы отнят всякий повод к возражениям против большевистского правительства, и весь Интернационал борющегося пролетариата единодушно и со всей своей силой поддержал бы его.

Зачем отказываться от такой громадной выгоды, если большинство обеспечено? Потому что всеобщее избирательное право в настоящий момент для России не подходит и только советская организация соответствует ее потребностям? Но чем доказывается такое утверждение? Понятным оно становится только тогда, когда вспомнят, что каждое правительство любит отождествлять себя со своей страной и объявлять неподходящим для страны то, что неподходяще для него.

Однако одно следует признать. Для новых выборов в учредительное собрание нынешняя ситуация неблагоприятна. В то время, когда готовились и проводились выборы в первое учредительное собрание, внутри страны царил некоторый покой. В настоящий же момент вся Россия раздирается гражданской войной.

Должен ли этот результат девятимесячного существования советской республики служить доказательством, что советская организация для России самая подходящая и обеспечивающая наиболее безболезненный переход к социализму?

8. НАГЛЯДНЫЙ УРОК

Но нам говорят, что у диктаторского метода имеются не только вредные стороны, уже упомянутые нами, но и хорошие. Преимущество его в том, что он даст блестящий наглядный урок. Если этот метод даже не укрепит, то все же он может провести в духе пролетариата такие мероприятия, которые нельзя будет уничтожить.

Рассмотрим сначала этот предметный урок. Приведенный в пользу этого метода аргумент очевидно порожден следующим соображением: в демократии, в которой господствует большинство народа, социализм может быть проведен только тогда, когда в нем заинтересовано это большинство. Какой длинный мучительный путь! Значительно скорее мы достигнем цели, если энергичное сознательное меньшинство овладеет государственной властью и при помощи ее проведет социалистические мероприятия. Тогда его успех тотчас же убедит большинство, которое до сих пор противилось социализму.

Это звучит очень убедительно, так оно звучало и в устах старого Вейтлинга. Но в нем есть один недостаток: предпосылается как раз то, что должно быть доказано. Противники диктаторского метода именно и оспаривают, что социалистическое производство может быть проведено меньшинством без содействия большинства народной массы. Конечно, если опыт не удастся, то и в этом случае будет также дан наглядный урок, только в противоположном направлении, не увлекающий, а устрашающий.

Есть люди — особенно наивные поклонники всякого успеха, — которых может убедить не изучение и исследование социальных связей, а только подобный урок. Такие люди при неудачном опыте не будут искать причин этой неудачи в неблагоприятных или незрелых условиях, а в самом социализме, и легко сделают вывод, что он вообще никуда не годится.

Ясно, что наглядный урок сильно хромает. Каким же должен он представляться нам?

Содержание социализма мы можем популярно резюмировать в словах: свобода и хлеб для всех. Это есть то, что ожидают от него массы и за что они борются. Свобода не менее важна, чем хлеб. Состоятельные, даже богатые классы боролись за нее и нередко приносили на алтарь ее тяжелые жертвы кровью и имуществом.

Потребность в свободе, в самоопределении заложена в человеке так же, как и потребность в питании.

До сих пор социал-демократия предметным уроком показывала народным массам, что она всегда была непреклонной защитницей свободы всех угнетенных, не только наемных рабочих, но также и женщин, преследуемых религий, рас, евреев, негров, китайцев и т.д. Этим наглядным уроком она привлекала к себе многих стоящих вне круга наемных рабочих.

Теперь же, когда социал-демократия у власти, этот наглядный урок должен быть вытеснен другим, противоположным. Первыми актами социал-демократии должны быть уничтожение всеобщего избирательного права, свободы печати, лишение прав широких народных масс, и именно потому — на это снова следует указать, — что дело идет о замене демократии диктатурой. Чтобы сломить политическое влияние верхних десяти тысяч, нет необходимости лишать их пользования избирательным правом: ведь не личным голосованием ограничивается их влияние.

Все мелкие торговцы, ремесленники, средние и долее зажиточные крестьяне, большая часть интеллигентов если и не были ранее врагами социализма, то теперь наглядным уроком диктатуры пролетариата, превратившей их в бесправных, делаются таковыми. Врагами пролетарской диктатуры становятся и все те, кто были приверженцами социализма, потому что он боролся за свободу всех.

Число сторонников, кроме тех, кто и ранее был социалистом, не увеличивается, число же врагов социализма растет.

Но социализм обещает не только свободу, но и хлеб. Это по крайней мере должно примирить тех, кого коммунистическая диктатура лишила свободы.

Конечно, это не лучшие массы, которые за хлеб и зрелища готовы продать свободу. Но несомненно и то, что материальное благополучие привлекло бы к коммунизму многих из тех, кто или сомневался в нем, или был оттолкнут его политикой бесправия.

Но только нужно, чтоб это благополучие действительно наступило в недалеком будущем, иначе влияние наглядного урока пройдет бесследно.

Чем же достигается это благополучие? Необходимость диктатуры предполагает, что меньшинство населения овладело государственной властью. Это меньшинство состоит из неимущих. Но главное оружие пролетариев — это их численность, в нормальное время только благодаря ей они могут овладеть государственной властью. Как меньшинство они достигают этого при необычных условиях, при какой-нибудь социальной катастрофе, которая расшатывает государственную власть, разлагает государство и ввергает его в нищету.

Социализм, т. е. всеобщее благополучие, при современной культуре возможен лишь при мощном развитии производительных сил, вызванных капитализмом, при колоссальных богатствах, создаваемых и концентрируемых капитализмом в руках капиталистического класса. Государственная организация, расточающая эти богатства бессмысленной политикой, например, безумной и осужденной на неудачу войной, не

может быть благоприятным источником быстрого распространения благополучия во всех слоях населения.

Если диктаторский, а не демократический режим выступает как наследник обанкротившейся государственной власти, он ухудшает положение тем, что необходимым следствием его является гражданская война, и то, что еще остается от материальных благ, расточается анархией.

Наконец, всеобщее благосостояние означает непрерывное развитие производства. Разрушение капитализма еще не социализм. Где капиталистическое производство не может тотчас же перейти в социалистическое, там первое должно остаться в силе, иначе произойдет перерыв производственного процесса, а с ним и массовая нищета, которой современный рабочий так же сильно боится, как и безработицы.

Только там, где пролетариат прошел основательную школу самоуправления в товарищеских, профессиональных, городских учреждениях, где он принимал участие в государственном законодательстве и правительственном контроле, и где, наконец, многочисленная интеллигенция готова отдать свои силы на службу социалистическому производству, только там социалистическое производство может тотчас же без нарушения производственного процесса заменить капитализм повсюду, где при создавшихся условиях капиталистическое производство стало уже невозможным.

В стране, экономически настолько неразвитой, что пролетариат ее составляет только меньшинство, нельзя ожидать такой зрелости пролетариата.

Итак, с самого начала следует принять, что повсюду, где пролетариат может удержаться у власти лишь с помощью диктатуры, а не демократии, социализм наталкивается на такие громадные препятствия, преодолеть которые и быстро создать всеобщее благосостояние и этим примирить с собой лишенные ею прав народные массы, диктатура не в состоянии.

В действительности мы видим, что советская республика после девятимесячного своего существования вместо всеобщего благосостояния была вынуждена объяснить причины всеобщего обеднения.

Перед нами лежат большевистские тезисы о социалистической революции и задачах пролетариата во время его диктатуры в России. Один отдел озаглавлен: “Трудности положения”. Там мы читаем:

“28. Пролетариат выполняет органическую положительную работу при необыкновенно тяжелых условиях. Тяжелые условия внутреннего характера: изнашивание и колоссальное истощение и даже разложение народного хозяйства благодаря войне; политика капиталистического класса до октябрьской революции, сознательная политика дезорганизации с целью после “анархии” установить буржуазно-диктаторский “порядок”; всеобщий саботаж буржуазии и интеллигенции после октябрьской революции; перманентные контрреволюционные вооруженные и невооруженные восстания бывших офицеров, генералов и буржуазии, недостаток в технических силах и обучении самого пролетариата (курсив подлинника); недостаток организаторского опыта; наличность громадных слоев мелкой буржуазии, дезорганизаторского класса *par excellence* и т. д. и т. д.”.

Все это вполне правильно. Но не свидетельствует ли это о незрелости условий? Не доказывает ли это самым убедительным образом, что при таких обстоятельствах в теперешней России нельзя думать о “наглядном уроке” в духе социализма? Хорош же этот “наглядный урок”, если для него требуются еще теоретические объяснения, почему в действительности не происходит то, что должно быть показано. Можно ли им

привлечь на свою сторону тех, кто до сих пор был враждебен социализму и кого мог бы убедить лишь практический успех?

Естественно, каждый новый режим может натолкнуться на неожиданные препятствия, и было бы несправедливым делать его ответственным за них и, не предпринимая ближайшего исследования их причин, впадать в малодушие. Но в том-то и дело, что надо обладать непоколебимым убеждением в правильности и необходимости этого режима, чтобы держаться за него вопреки всем трудностям. Поклонники же успеха всегда ненадежные мещане.

Следовательно, и в данном случае мы возвращаемся к демократии, которая принуждает нас просветить и убедить массы в возможности проведения социализма ранее, чем мы приступим к практическому осуществлению его. И здесь мы должны отбросить метод диктатуры, ставящий на место убеждения наглядный урок насилия.

Но этим нельзя еще доказать, что наглядный урок ничего не может дать для существования социализма. Напротив, он, может быть, и будет играть громадную роль, но только не посредством диктатуры.

Различные государства мира стоят на различных ступенях экономического и политического развития. Чем сильнее развитие капитализма в государстве, чем демократичнее оно, тем ближе оно к социализму. Чем более развито его капиталистическое производство, тем выше его производительные силы, тем больше его богатство, тем общественнее его труд, тем многочисленнее его пролетариат. Чем демократичнее государство, тем лучше организован и обучен его пролетариат.

Правда, демократия иногда препятствует развитию его революционного мышления, и все же она необходимейшее средство, чтобы облегчить ему достижение зрелости, которая так ему нужна для завоевания политической власти и проведения социалистической революции. В каждой стране возникают конфликты между пролетариатом и господствующими классами, но чем прогрессивнее в капиталистическом и демократическом отношении страна, тем больше надежды у пролетариата при этом конфликте одержать не временную, но и окончательную победу.

И там, где пролетариат при этих условиях захватит государственную власть, там он найдет достаточные материальные и культурные средства, чтобы немедленно дать экономическому развитию направление к социализму и немедленно увеличить всеобщее благополучие.

Тогда он даст настоящий наглядный урок политически и экономически отсталым странам. Масса пролетариев этих стран так же, как и все другие слои беднейших классов и многочисленная интеллигенция, единодушно потребуют от государства, чтобы оно пошло по пути, на котором только и возможно создание всеобщего благополучия. Таким образом, благодаря наглядному уроку наиболее прогрессивной страны социализм делается неизбежным и в тех странах, которые не так далеко ушли в своем развитии, чтобы их пролетариат был в состоянии только своими силами овладеть государственной властью и провести социализм.

Нам нет надобности отодвигать этот момент в далекое будущее. В целом ряде промышленных государств, кажется, уже существуют в достаточной мере материальные и идеальные предпосылки социализма. Вопрос политического господства пролетариата есть вопрос только силы и прежде всего сплоченности пролетариата для решительной классовой борьбы. Но Россия не принадлежит к таким руководящим странам. То, что там в настоящий момент разыгрывается, фактически есть последняя буржуазная, но не первая социалистическая революция. Это становится все яснее и очевиднее. Только тогда эта революция могла бы принять

социалистический характер, если б она совпала с западно-европейской социалистической революцией.

Что подобным наглядным уроком более развитых наций может быть ускорен ход социального развития, на это указал уже Маркс в предисловии к первому изданию своего “Капитала”.

“Всякая нация может и должна учиться у других. Правда, общество, раз оно попало на след естественного закона своего развития... не может перескочить через необходимые фазы развития, ни отменить последние декретами. Но оно может сократить и смягчить муки родов”.

Наши большевистские друзья, несмотря на многочисленные их ссылки на Маркса, кажется, совсем забыли это место, ибо диктатура пролетариата, которую они проповедуют и проводят — есть ни что иное, как грандиозная попытка перепрыгнуть через естественную фазу развития или отменить ее декретами. Они считают, что диктатура есть самый безболезненный метод “сократить и смягчить его муки родов”. Их практика представляется нам в виде недостаточно терпеливой беременной женщины, которая делает бешенные прыжки, чтобы ускорить роды.

Результатом такого метода является обычно нежизнеспособный ребенок. Маркс говорит здесь о наглядном уроке, который одна нация может дать другой. Однако для социализма имеет значение и другой наглядный урок, тот, который дает более высокая развитая форма производства отсталой.

Конечно, капиталистическая конкуренция повсюду стремится истребить отсталые производства, но это при капиталистических условиях столь мучительный процесс, что угрожаемые им производства стараются всеми силами противодействовать ему. Поэтому при социалистическом способе производства сохранится еще масса таких предприятий, которые технически уже пережили себя. Именно, в сельском хозяйстве, где крупное производство делает небольшие успехи, частью даже деградирует.

Социалистическое производство может развиваться только на основе крупного производства. Социалистическое сельское хозяйство должно прежде всего ограничиться обобществлением крупного производства. Если оно получит при этом, как и следует ожидать, хорошие результаты, если на место наемного труда, дающего вообще в сельском хозяйстве недостаточные результаты, поставить труд свободно объединившихся людей, если создадутся для рабочих в социалистическом крупном производстве условия более благоприятные, чем условия мелких крестьян, тогда с определенностью можно ожидать, что последние массами добровольно перейдут к новому способу производства, особенно если общество снабдит их необходимыми для этого средствами. Но не ранее. В сельском хозяйстве капитализм очень неудовлетворительно подготавливает почву для социализма. И конечно, было бы совершенно безнадежным дело теоретически убеждать крестьянских собственников в преимуществах социализма. При социализации крестьянского сельского хозяйства может помочь только наглядный урок. Но последний предполагает известную распространенность сельскохозяйственных крупных производств. Наглядный урок тем быстрее и основательнее будет влиять, чем больше распространено в стране крупное производство.

Идеал мелкобуржуазных демократов, воспринятый и значительно резче выраженный социал-демократами оттенка Эдуарда Давида: уничтожение сельскохозяйственного крупного производства и раздел его на карликовые — стоит сильнейшим препятствием на пути социализма в сельском хозяйстве и вместе с тем и на пути общественного развития.

Самым поразительным признаком нынешней русской революции является ее развитие в духе Эдуарда Давида. Он, а не Ленин, выражает настоящее направление революции.

В этом-то и заключается социалистический наглядный урок, который она дает. Он свидетельствует о ее поистине буржуазном характере.

9. НАСЛЕДСТВО ДИКТАТУРЫ

а) Сельское хозяйство

Диктатура должна быть не только лучшим наглядным уроком социалистической пропаганды, она должна своими делами укоротить путь к социализму, даже и в том случае, если она не утвердится и рухнет ранее, чем ее цель будет достигнута. По мнению ее приверженцев, она после себя оставит многое, чего ни устранить, ни видоизменить не будет уже возможности.

Источником этого мнения, как и многих других, — является опять-таки Великая французская революция, буржуазная революция, под чарами которой находятся те, кто все, что им не подходит, отбрасывают и клеймят “буржуазным”, для кого демократия ни что иное, как буржуазный предрассудок.

Все это правильно, но выводы, которые следует сделать из этого, совершенно не те, какие у защитников диктатуры. Конечно, последняя может выполнить кое-что значительно радикальнее, чем демократия, но то, что при этом получается, не всегда соответствует желаниям диктаторов. Как высоко она ни стояла бы над всеми другими властями в государстве, она же всегда будет зависеть от власти материальных условий общества. Эти условия, а не воля диктаторов, решат, какие будут в конце концов социальные последствия диктатуры.

Самой могучей движущей силой террора во французской революции были пролетарии и полупролетарская мелкая буржуазия, желавшие уравнивания имуществ, разрушения крупных состояний, что им часто и удавалось. Но они значительно основательнее, чем где-либо в Европе, разрушили остатки феодализма и этим проложили путь возникновению новых крупных капиталистических состояний, выросших как грибы тотчас же после падения режима террора. Это, а не экономическое равенство, и было наследием той диктатуры уравнивателей.

Чтобы узнать, какое экономическое наследство оставит после себя нынешняя диктатура Советов, нужно рассмотреть не только ее намерения, желания и мероприятия, но также и экономическую структуру государства. Она-то и является решающей.

Правда, такое исследование может иному показаться скучным педантизмом, несовместимым с тем революционным огнем, которым горел Маркс. Конечно, никто с точностью не может сказать, как думал и поступал бы Маркс при нынешней ситуации. Но, по нашему мнению, подобное скучное занятие есть единственный метод, допускаемый историческим материализмом, обоснование которого и составляет вечную заслугу Карла Маркса. Как пустого фразера оттолкнул бы он того, кто осмелился бы утверждать, что в вопросах познания энтузиазм стоит выше научного исследования.

Экономическим основанием России и поныне остается сельское хозяйство, а именно, крестьянское мелкое производство. Им занимаются почти четыре пятых или, быть может, даже пять шестых всего населения. В 1913 году городское население России (кроме Финляндии) составляло 24 миллиона, сельское же 147 миллиона. Громаднейшее большинство последнего — крестьяне. Революция почти ничего не изменила в этом

отношении. Впрочем, количество крестьян немного увеличилось за последний год, так как многие рабочие вернулись в деревню, где голод не так свирепствовал, как в городах.

До самой революции крестьянин жил под полуфеодальным гнетом. Правда, реформа 1861 г. уничтожила крепостное право, она сделала крестьянина формально свободным. Но это не было делом революции, но делом патриархального абсолютизма, отечески заботившегося о том, чтоб при этой реформе крупные землевладельцы ничего не потеряли, а выиграли. Крестьянин должен был заплатить за свою свободу утратой части земли, которой он пользовался до реформы, а за землю, которая была ему отведена, заплатить очень дорого. Правда, в среднем, величина крестьянского хозяйства в России была больше, чем в Западной Европе. В России до революции хозяйств с менее 5 десятин (5 гектаров) было только 10,6 проц. всех крестьянских хозяйств; во Франции хозяйства в 5 и менее гектаров составляли 71,4, а в Германии 76,5 проц. (Маслов. "Аграрный вопрос в России"). Но русское сельское хозяйство благодаря невежеству крестьян, примитивной технике, недостатку в скоте и удобрении настолько отстало, что производит значительно менее, чем в Западной Европе. Во Франции с десятины получалось пшеницы 70,5 пудов (пуд=16,38 кг) в Германии — 77 пуд., в России же только 28,2 пуд. (Маслов).

Поэтому крестьянин вскоре после освобождения очутился материально в значительно худшем положении, чем ранее. Чтоб не голодать, он должен был арендовать землю у крупных землевладельцев или же наниматься на работу к владельцу, ведущему самостоятельно крупное хозяйство. В большинстве случаев он должен был брать денежную ссуду под отработки, благодаря чему попадал в кабалу, иногда более тяжелую и безнадежную, чем прежнее крепостное право.

Положение не улучшалось от того, что теперь производство крестьянина сделалось производством на рынок, внешний и внутренний. Правда, он мог получить деньги и сберечь их, но это удавалось ему за счет питания. Раньше большую часть своих продуктов он потреблял сам, потому что для сбыта их не было рынка. Теперь появился рынок, он стал продавать возможно больше, оставляя себе только самое необходимое. Таким образом, каждый неурожайный год превращался в голодный. Как только крестьянину удавалось скопить немного денег, он употреблял их не на улучшение своего производства, но на приобретение земли.

За время от 1863 до 1892 г. в европейской России сельскохозяйственной земли было:

куплено продано

в милл. руб.

Дворян 821 1459

Купцов 318 135

Крестьян 335 93

Следовательно, земля дворян уменьшилась, а крестьянская и городской буржуазии увеличилась. Но еще скорее росло народонаселение, а земельная площадь, приходившаяся на одного крестьянина, в среднем уменьшалась несмотря на общее увеличение крестьянской площади. Одновременно под влиянием денежного хозяйства, покровительствуемого законодательством, все более исчезал деревенский коммунизм, который время от времени производил некоторое уравнивание в земельных участках отдельных крестьян. Одни становились зажиточнее, другие все более беднели. Но те и другие, богатые и бедные, жадными глазами смотрели на землю крупного

землевладельца, в которой видели свое спасение. Переворот в отношении землевладения стал их страстным желанием; это и сделало их революционным классом. Их чаяния нашли свое выражение и форму у городской революционной интеллигенции. Русские социалисты были единодушны в том, что революция в землевладении для России столь же необходима, как и низвержение царского абсолютизма. Но среди социалистов образовалось два течения. Одни полагали, что примитивный деревенский коммунизм сделает крестьян, а с ним и всю Россию способной тотчас же перепрыгнуть в социализм, конечно, в очень своеобразный социализм. Это течение принимало разные формы, в конце концов нашло свое выражение в партии социалистов-революционеров. Им противостояли марксисты, защищавшие положение, что Россия, как и всякая другая страна, не может “перепрыгнуть или отменить декретами естественную фазу развития”, что грядущая революция может только устранить остатки феодализма и ускорить капиталистическое развитие, на почве которого при создавшихся новых демократических условиях созреть пролетариат, способный вместе с западно-европейским завоевать социализм.

Все социалисты без различия направления были согласны в том, что следует поддержать крестьянство в его стремлении уничтожить остатки феодализма. Для крестьян это стало очевидным в революцию 1905 г. Отныне совместная деятельность крестьян с социалистами, а именно социалистами-революционерами, выливалась во все более тесные формы. Таким образом, после революции 1917 г. возникли организации советов, но не только пролетарских, но и крестьянских.

Революция сделала непрочным крупное землевладение. Это тотчас же обнаружилось. Передача его крестьянскому населению стала неизбежной. В вопросе же о формах, в каких должно это произойти, единогласия не было. Были мыслимы различные решения. С социалистической точки зрения, самым рациональным была бы передача крупных производств государству, которое отдавало бы их крестьянам, прежде работавшим в этих поместьях в качестве наемных рабочих, для обработки на товарищеских началах. Между тем, это решение предполагало наличие сельского пролетариата, которого в России нет. Другое решение предлагает передать крупное землевладение в собственность государства и, разбив его на мелкие участки, сдавать в аренду крестьянам, нуждающимся в земле. Этим путем удалось бы провести некоторые социалистические мероприятия.

Но мелкое производство повсюду, где можно, стремится к неограниченному праву частной собственности на свои средства производства. Этот характер оно сохранило до сих пор везде, и русский крестьянин, несмотря на традиции деревенского коммунизма, не представляет в этом отношении исключения. Раздробление крупных имений и раздел их — вот в чем была его программа, и он был достаточно силен, чтобы провести ее. Никто не мог ему помешать в этом.

Между тем, в интересах самого крестьянства было бы желательно, чтобы наделение земель совершалось систематично, чтобы земля доставалась тем, кто наиболее нуждается в ней и кто мог бы сам обрабатывать ее. Единственным авторитетным учреждением, которое было бы в состоянии провести подобный раздел, могло быть только учредительное собрание, выразительница воли всей нации, большинство которой составляют крестьяне. Но оно заставляло себя долго ждать. Поэтому крестьяне начали делить самостоятельно, причем было уничтожено много ценных средств производства. С другой стороны, советская организация отняла последнюю надежду на правильное решение аграрного вопроса учредительным собранием и предоставила крестьянам каждого района делить и вообще поступать с землей крупного землевладения по своему собственному желанию. Один из первых декретов советского правительства предписывал:

“1. Помещичья собственность на землю отменяется без вознаграждения.

2. Имения крупных помещиков, удельные, монастырские и церковные со всем их живым и мертвым инвентарем, сельскохозяйственными строениями и всеми их принадлежностями предаются до решения земельного вопроса Учредительным Собранием в распоряжение волостных земельных комитетов и окружных советов крестьянских депутатов”.

Ссылка на Учредительное Собрание осталась мертвой буквой, фактически крестьяне каждой волости могли делать со своими имениями все, что хотели.

Этим с самого начала исключалась возможность уравнивания между богатыми волостями с многими зажиточными крестьянами и бедными волостями с карликовыми хозяйствами. Но и внутри отдельных волостей не было ручательства за то, кто получит землю. Где господствовали богатые крестьяне, благодаря своей численности или только своему влиянию, там они захватывали львиную часть крупного землевладения. Общей статистики раздела земли не имеется. Но утверждают, что при разделе земли всего чаще выигрывали богатые крестьяне.

Известно, что и советская республика не дала решения аграрного вопроса в духе уравнительного землевладения. Это признает сама советская власть. Вначале крестьянские советы являлись организациями к р е с т ь я н с т в а вообще. Ныне советская власть возвещает, что Советы представляют организации пролетариев и б е д н ы х крестьян. Зажиточные лишаются избирательного права. Этим самым бедный крестьянин теперь признается постоянным и массовым продуктом социалистической аграрной реформы, “диктатуры пролетариата”. Конечно, он составляет меньшинство во многих деревнях, иначе было бы бесцельно охранять его путем лишения избирательного права крупных и средних крестьян. Но, во всяком случае, он все же составляет весьма значительную часть русского крестьянства.

На этом разделе владений советская республика, кажется, и успокоилась. И она хорошо делает. Ее схватили бы за горло, если б она пожелала прикоснуться к крестьянской частной собственности.

Правда, она вторгается в отношения между богатыми и бедными крестьянами, но только не путем нового раздела земли. Чтобы устранить недостаток в продуктах горожан, в деревни были посланы отряды вооруженных рабочих с целью отобрать у богатых крестьян излишек продуктов. Одна часть предназначалась городскому населению, а другая беднейшим крестьянам. Это, конечно, надо рассматривать как временную меру, вынуждаемую обстоятельствами и ограниченную только известными местностями — окрестностями больших городов. Чтобы сделать эту меру общей, вооруженная сила городов была бы недостаточной. Во всяком случае, произвести в деревне уравнивание между богатыми и бедными эта мера не смогла бы, даже и в том случае, если б она применялась регулярно, из года в год. В последнем случае она стала бы самым действительным средством полнейшего разорения сельского хозяйства.

Где производство ведется частным образом и где производитель должен считаться с тем, что у него отберут весь излишек, кроме необходимого для удовлетворения его потребностей, там он ограничивает свое производство самым необходимым минимумом. Этим и объясняется разложение сельского хозяйства в некоторых странах восточного деспотизма, где откупщик отбирает у крестьян излишек сверх необходимого. Нечто подобное наступило бы и в России. Социализм стремится уничтожить экономические различия путем обобществления средств производства и введения нового способа производства. Только при этих условиях общество делается господином над продуктами, при этом оно может довести производство до высокой степени развития и распределять продукты с точки зрения общественной целесообразности и справедливости.

С другой стороны, сохранить частное производство и частную собственность на средства производства и в то же самое время систематически конфисковывать его излишки означало бы разрушить его, все равно: в интересах ли восточного деспота или пролетарской диктатуры.

Все это, естественно, не относится к тому случаю, когда эта мера вызывается крайней необходимостью. Иначе и нельзя представить себе теперешние экспроприации зажиточных крестьян. Ничего не изменяя в социальном строении русского общества, они вносят лишь новый элемент беспорядка и гражданской войны в процесс производства, для оздоровления которого так необходимы покой и обеспеченность.

Даже и в том случае, если диктатура Советов имела бы силу и желание предпринять новый раздел земли и разделила бы ее равномерно, крестьяне не много выиграли бы от этого, так как при современном примитивном производстве запас годной для культуры земли в России не в состоянии обеспечить крестьянина таким количеством земли, которое дало бы ему возможность жить безбедно.

Вполне справедливо говорит Маслов в своей уже часто цитированной книге:

“Попытка уравнивания хозяйств осуществима только на почве всеобщей бедности. Сделать всех богатыми при сохранении частной собственности на средства производства есть ни что иное, как мелкобуржуазная и вульгарная утопия. Если этот вид уравнивания невыполним, то, в противоположность ему, равенство бедности фактически уже существует во многих местах, и делать это явление общим едва ли кого соблазнит. Как ни увеличивать крестьянское землевладение, земли всегда окажется мало, чтобы сделать все крестьянские хозяйства зажиточными”.

Стремление крестьянскую жизнь втиснуть в рамки мелкобуржуазного идеала — экономического равенства всех мелких собственников — не только утопично, но и реакционно.

Никоим образом нельзя при помощи раздела улучшить экономическое положение всего русского крестьянства при данном народонаселении и при данном количестве земли, годной для культуры. Для этого необходим переход к высшим формам производства, последние же требуют как общего, так и профессионального образования сельского населения, снабжения его скотом, орудиями, машинами, искусственным удобрением, а это все такие условия, которые всего труднее и медленнее достижимы на почве всеобщего карликового хозяйства.

Если для интенсивного капиталистического сельского хозяйства в России условия еще слабо развиты и в некоторых отношениях еще ухудшены войной, то условия для социалистического производства совершенно отсутствуют, последнее может возникнуть только на основе крупного производства при высоко развитой сельскохозяйственной технике. Только такая техника, применение новейших машин и научных методов так же, как и широчайшее разделение труда, могут сделать крупное производство выгодным, а новый способ производства вводится и укрепляется только там, где он выгоден, где он доставляет большее количество продуктов или сберегает труд. Было бы бесцельно стараться ввести крупное сельскохозяйственное производство на основе примитивной техники и при невежестве русского мелкого крестьянства. Правда, в большевистских кругах после того, как раздробили крупные имения и разделили их между крестьянами, говорят о введении социалистического сельского хозяйства. В упомянутых тезисах о социалистической революции и задачах пролетариата во время его диктатуры в России тезис 24 гласит:

“Затем следует упомянуть о полном отчуждении собственности крупных землевладельцев. Земля была объявлена “общим благом”. Дальнейшие задачи

следующие: организация государственного земледелия; коллективная обработка прежних латифундий; соединение мелких хозяйств в более крупные единицы с коллективным управлением (так называемые “сельскохозяйственные коммуны”).

Но поставить задачу, к сожалению, еще не значит решить ее. Коллективное сельское хозяйство в России пока еще осуждено оставаться только на бумаге. Еще нигде и никогда мелкие крестьяне не переходили к коллективному производству, только теоретически убедившись в его преимуществе. Крестьянские товарищества встречаются во всевозможных отраслях хозяйства, но только не в основном: по обработке земли товарищества нет. Земледелие на почве мелкокрестьянской техники повсюду неизбежно порождает стремление к отделению мелких производств друг от друга и к частной собственности на землю. Так было в Европе, Америке, это повторяется во всем мире. Но разве русский крестьянин является исключением из общего закона?

Кто считает его за обыкновенного человека и сравнивает его с крестьянами всего мира, тот назовет иллюзией надежду создать социалистическое производство на почве современного русского хозяйства.

В России революция скорее выполнила то, что она выполнила в 1789 г. во Франции и косвенно в Германии. Сметя остатки феодализма, она чище и определеннее, чем когда-либо раньше, выявила частную собственность на землю, сделала крестьянина, который до этих пор был заинтересован в низвержении крупной земельной собственности, энергичнейшим защитником вновь созданной земельной собственности; тем самым революция вновь укрепила частную собственность на средства производства и товарное хозяйство. Но то и другое и есть та почва, на которой с необходимостью порождается снова и снова капиталистическое производство, хотя бы оно было временно нарушено или даже разрушено.

Даже беднейшие крестьяне не думают об уничтожении принципа частной собственности на землю. Не коллективным производством хотят они улучшить свое положение, а увеличением количества земли, следовательно, их частной собственности. Земельный голод, всегда характеризующий крестьянина, теперь, после разрушения крупных имений, сделался сильнейшей опорой частной собственности. Таким является крестьянин во всех государствах, в которых уничтожен феодализм. Как таковой, крестьянин пользуется симпатией и покровительством имущих классов, видящих в нем надежнейшую защиту их интересов. То же произойдет и в России.

Это и будет прочным и длительным результатом теперешней “диктатуры пролетариата и беднейшего крестьянства” в России.

Интерес крестьянина к революции тотчас же потухает, как скоро обеспечена новая частная собственность. Он восстанет против всякой власти, которая за его счет осмелилась бы восстановить старое крупное землевладение. Но идти дальше у него нет никакого интереса.

И так же, как интерес к революции, исчезает у него интерес к своему союзнику — городскому пролетариату.

Чем больше его производство перестает быть производством для собственного потребления, чем больше производит он на рынок, тем больше заинтересован он в высоких ценах на свои продукты. Это и является его главным интересом после победы над феодализмом. Но это приводит его в противоречие не с крупным землевладением, у которого интересы с ним общи и которое может быть в силу этого его союзником, а с городским, не сельским, промышленным населением и прежде всего с рабочими, которые, в противоположность буржуа, большую часть своего дохода издерживают на

средства питания, а потому чрезвычайно заинтересованы в низких ценах на продукты сельского хозяйства.

Пока существует феодализм, крестьяне и низшие городские классы лучшие союзники. Так было со времени немецкой крестьянской войны 1525 г. до французской революции 1789 г. Но как скоро революция заканчивается, начинается переход крестьян во враждебный городскому пролетариату лагерь. Теперь в этом лагере не только крупные крестьяне и представители крупного землевладения, но также и мелкие крестьяне, даже в демократических республиках, например, в Швейцарии.

Переход в этот лагерь мелких крестьян происходит не сразу, но постепенно, по мере того, как отмирают традиции борьбы с феодализмом, а производство для личного потребления вытесняется производством на рынок. В наших рядах долго господствовало мнение, высказанное Марксом в 1871 г. в своей работе о гражданской войне во Франции, что и крестьяне также примут участие в будущей пролетарской революции, как шли они рука об руку с пролетариатом во время буржуазных революций. И в настоящее время правительственные социалисты вырабатывают такую аграрную программу, которая пробудила бы у крестьян интерес к пролетарской классовой борьбе. Но практика повсюду показывает растущий антагонизм между крестьянством и пролетариатом.

В деревне только те элементы имеют общий интерес с городским пролетариатом, которые сами пролетарии, т. е. живут не продажей сельскохозяйственных продуктов, но продажей своей рабочей силы, наемным трудом.

Победа пролетариата зависит от степени распространенности наемного труда в деревне — процесса, происходящего медленно, часто не в силу роста сельскохозяйственных крупных производств, а в силу перенесения промышленных предприятий в деревню.

Кроме того, пролетарская победа зависит также от более быстрого роста городского и индустриального населения, нежели сельского и сельскохозяйственного. Процесс этот совершается очень быстро. В большинстве промышленных государств сельское население уменьшается не только относительно, но и абсолютно. В Германии в 1871 г. сельское население составляло еще 26,2 из 41 милл., 64 проц. всего населения. В 1920 г. 25,8 из 65 милл., след. 40 проц. Сельскохозяйственное же население еще незначительнее сравнительно со всем населением. По первой переписи 1882 г. оно составляло 19,2 из 45,2 милл., след. 42,5 проц. всего населения, в 1907 г. только 17,7 из 61 милл., 28,7 проц. Из этих 17,7 к самостоятельным хозяевам принадлежало только 11,6 милл., к наемным рабочим — 5,6 милл., а все остальное приходилось на служащих. Следовательно, крестьянское население составляет шестую часть всего населения германской империи; напротив, пролетарское круглым счетом 34 милл. в 1907 г., более чем половину населения. С той поры оно, конечно, сильно возросло и недалеко от того, чтобы составить две трети населения.

Совершенно иные отношения в России. Выше мы уже указали на то, как громаден в ней перевес крестьянства. То, что оно шло вместе с пролетариатом и содействовало победе революции, еще раз свидетельствует о буржуазном характере этой революции. Чем более оно укрепляется, т. е. чем устойчивее становится вновь приобретенная крестьянская частная собственность, тем более подготавливается почва, с одной стороны, для капиталистического хозяйства, а с другой для растущего антагонизма между крестьянами и пролетариями. Действующие в этом направлении экономические тенденции являются решающими для современной стадии развития России; даже могущественнейшая диктатура не в состоянии их преодолеть. Как диктатура крестьянства она даже будет содействовать этим тенденциям.

б) Индустрия

Совсем иначе, чем в сельском хозяйстве, обстоит дело в индустрии России. В ней кое-где сохраняются еще примитивные формы, но та часть ее, которая ведется на капиталистических началах, ведется в самых разных современных формах. Также и среди промышленного пролетариата наряду с массой неграмотных, пришедших из деревни и еще пропитанных деревенской психологией, имеются элементы, усвоившие всю полноту доступного вообще современному пролетариату образования; они проникнуты глубоким интересом к теории, тем интересом, который Маркс с такой похвалой отмечал у немецких рабочих, и той жаждой образования, которая так часто подавляется у современных западно-европейских рабочих демократической мелочной работой.

Разве нельзя при этих условиях уже теперь установить социалистический способ производства?

Так можно было бы думать только в том случае, если бы социализм заключался в том, что рабочие той или иной фабрики или шахты, взяв их в собственность, стали бы вести производство совершенно изолированно друг от друга.

В то время, когда я пишу эти строки, из Москвы передают речь Ленина от 2-го августа, в которой он сказал:

“Рабочие удерживают в своих руках фабрики, крестьяне же землю помещикам не отдадут”.

Лозунг: “Фабрики рабочим, земля крестьянам” не социал-демократический, а анархо-синдикалистский. Социал-демократия всегда требовала: фабрики и земля обществу.

Отдельный крестьянин при нужде, пожалуй, мог бы еще вести свое хозяйство без связи с другими производствами. Современная же фабрика опутана такой сетью общественных связей, что мыслить ее изолированно совершенно нельзя.

Как бы интеллигентны и дисциплинированы ни были рабочие, этого еще не достаточно, чтобы, взяв в свою собственность фабрику, они смогли правильно управлять ей. Фабрика ни одного дня не может работать без сырого материала, без угля, без всякого рода подсобных материалов, без правильного сбыта своих продуктов. Останавливается производство сырых материалов, шахты или транспорт, останавливается и фабрика. Ее работа при социализме предполагает, что создана вся сеть общественного производства. Только при этом условии может существовать социалистическое производство.

Социал-демократия требует не передачу фабрик рабочим, но она стремится ввести вместо товарного производства общественное производство, производство для собственного потребления всего общества, а это достижимо только при общественном владении средствами производства. До сих пор и большевики возвещали о национализации фабрик, а не о переходе их в руки рабочих. Последнее было бы лишь переходом к новой форме капитализма, как показал опыт с многочисленными производительными товариществами. Новые владельцы ревниво бы оберегали свое владение как привилегированное место, от ищущих работы пришельцев, которых все снова и снова будет выбрасывать русское крестьянство с его недостаточным земельным наделом.

Длительное преодоление капитализма достигается не тем, что фабрики передаются рабочим, запятым в них, но передачей средств производства во владение всего общества, т. е. всех потребителей, для удовлетворения потребностей которых и должно вестись производство, следовательно, — во владение государства или, при особых условиях, во владение общины, при случае — даже потребительных товариществ.

И этот путь испробовали в России. Как далеко пошли в этом отношении, еще неизвестно. Эта сторона советской республики представляет для нас величайший интерес, но, к сожалению, она еще совершенно покрыта мраком. Правда, в декретах нет недостатка, но достоверных сведений о результатах пока еще не имеется. Социалистическое производство не мыслимо без обстоятельной, детальной, надежной и быстро информирующей статистики. Такой статистики советская республика еще не создала. Доходящие до нас сведения об их экономических результатах крайне противоречивы и не поддаются проверке.

Последнее есть также одно из следствий диктатуры и подавления демократии. При отсутствии свободы печати и слова и центрального представительного учреждения, в котором могли бы быть представлены все классы и партии, фактические диктаторы легко могут поддаться искушению опубликовывать только то, что им нравится. Пользуются ли они этой возможностью, или нет, — неизвестно; все же доверия к их сообщениям нет. Критика же не молчит: она избирает лишь подземные каналы, распространяясь устно, с такой же быстротой, как и официальные сообщения, но без общественного контроля. Нас засыпают известиями и справа, и слева, но они друг другу противоречат и не заслуживают доверия.

Какой результат дадут социалистические опыты советского правительства — в настоящее время даже приблизительно нельзя установить или предусмотреть. Но может ли оно создать нечто такое, чего нельзя было бы устранить и что пережило бы его крушение?

О радикальном уничтожении капитализма не может быть и речи. Конечно, советское правительство в состоянии уничтожить в достаточной мере капиталистическую собственность, превратить многих капиталистов в пролетариев, но это не равнозначно установлению социалистического производства. А если последнее не удастся, капитализм снова воскреснет, он должен воскреснуть, и, вероятно, очень скоро, а диктатура пролетариата произведет только смену лиц. На место нынешних капиталистов, превратившихся в пролетариев, станут пролетарии или интеллигенты, сделавшиеся капиталистами. При этом особенно выиграют те, кто своевременно станет на сторону того правительства, которое сумеет выйти из совершающегося хаоса сильным и способным сохраниться до восстановления нормального порядка. Уже и теперь советское правительство вынуждено идти на различные компромиссы с капиталом. 28 апреля, в своей уже цитированной работе, Ленин признал, по сообщению “бюро известий” в “интернациональной социалистической комиссии”, что слишком быстро приступили к экспроприации капитала. “Если мы будем продолжать экспроприации в том же самом темпе, можно с определенностью сказать, что мы потерпим крах. Организация производства под пролетарским контролем с несомненностью отстала от экспроприации крупного капитала”.

А в этой-то организации вся суть дела. Нет ничего легче для какого-нибудь диктатора экспроприировать. Но создать и привести в движение громадную систему общественного труда — для этого мало декретов и красной армии.

В большей мере, чем требования русского капитала, советская республика должна была признать требования немецкого. Пока еще сомнительно, одержат ли верх в России капиталы Антанты. Но дело похоже на то, что “диктатура пролетариата” уничтожает русский капитал, чтобы дать место немецкому или американскому.

Как бы то ни было, все же следует ожидать, что национализация некоторых отраслей промышленности, начатая советским правительством, сохранится, хотя последнее и будет низвергнуто. В этом наравне с разрушением крупного землевладения и следует видеть второе важное, в будущем неустранимое, мероприятие диктатуры пролетариата, и тем вероятнее, что в данном случае мы имеем дело с явлением, происходящим во

всех современных, даже капиталистических странах. Война его породила — напомним о национализации железных дорог в Америке, — мир продолжит его. Повсюду следует ожидать фискальных монополий. Но это свидетельствует о том, что государственное хозяйство еще не социализм. Будет ли это хозяйство социалистическим, или нет — все зависит от характера государства.

Русское государство — крестьянское государство в настоящее время более, чем когда-либо, ибо крестьянин научился чувствовать себя силой, но как везде, так и в России, он не способен осуществлять ее участием в государственном управлении. Условия, в которых он живет, делают его для этого непригодным. Но он не потерпит никакой власти, которая не считалась с его интересами, — даже власти городского пролетариата.

В зависимости от крестьянского товарного производства и государственная индустрия должна будет работать на рынок, а не для собственного потребления. Крестьянство снова будет ее главным внутренним рынком. Крестьянин одинаково заинтересован в высоких ценах продаваемых им сельскохозяйственных продуктов, как и в низких ценах покупаемых им продуктов индустрии. По отношению к частной промышленности для него совершенно безразлично, какими мерами достигаются эти низкие цены: за счет заработной платы или прибыли. Он не заинтересован в высоких прибылях частного индустриального капитала.

Иначе обстоит дело с государственным хозяйством. Чем выше его прибыль, тем ниже государственные налоги, которые в крестьянском государстве падают преимущественно на крестьянство. Отсюда — крестьянин в равной мере заинтересован как в высоких прибылях государственных предприятий, так и в низких ценах на их продукты, а это означает более низкую заработную плату.

И здесь снова мы видим источник антагонизма между крестьянином и индустриальным рабочим — антагонизма, который тем резче, чем обширнее государственное хозяйство.

Этот антагонизм, а не социализм, и будет истинным наследством русской революции.

Было бы ошибочным приписывать вину за это большевизму. Многие из того, в чем его упрекают, есть необходимое следствие условий, при которых он возник. Несомненно, то же самое наступило бы и при всяком другом режиме. Но таково уж существо диктатуры, что она обостряет и доводит до высшего напряжения все существующие противоречия.

Голод создан, конечно, не диктатурой, но хозяйничанием царизма и войной.

А то, что в течение полугода с момента заключения мира сельское хозяйство все еще не отдохнуло, а транспорт не налачился, в этом уже виновата гражданская война, которая при диктатуре есть единственная форма выражения оппозиции, неизбежная при живом интересе масс к политике.

Также и разложение армии было фактом, с которым пришлось встретиться большевикам. Но, как известно, они и сами ставили себе в заслугу усиление его с целью скорее добиться мира, который не радует даже их самих.

Равным образом и раздробление крупного землевладения между крестьянами было явлением, начавшимся значительно ранее, чем большевики овладели государственной властью, явлением, которому, при громадном большинстве крестьян, никто не смог бы оказать противодействия. Но отсутствие учредительного собрания было причиной того, что погиб и последний след общественного влияния на правильное применение

отчужденного крупного землевладения, а его раздел был предоставлен частному произволу ближайших заинтересованных лиц.

Наконец, возникновение антагонизма между крестьянами и индустриальными рабочими есть неизбежное явление, которое с необходимостью вырастает из данных экономических условий.

Большевистская диктатура за него не ответственна. Но и здесь ее господство содействовало созреванию условий, которые обострили и углубили этот антагонизм. С разгоном учредительного собрания и разложением армии погибли два элемента, которые всего скорее могли бы спасти Россию от распада и расчленения. Теперь же самые богатейшие в сельскохозяйственном отношении области бывшей России отторгнуты от нее.

Если так все и останется, если отделится еще и Сибирь, тогда Россия перестанет быть страной, вывозящей хлеб и другие средства питания, тогда цены сельскохозяйственных продуктов ее будут определяться ее внутренним, а не внешним рынком.

Но это и есть то состояние, в котором при товарном производстве всего скорее и резче проявляется антагонизм между крестьянином и индустриальным рабочим. В странах с крупным экспортом сельскохозяйственных продуктов противоречие между индустрией и сельским хозяйством принимает скорее форму противоречия государств, чем классов, форму противоречия индустриального и аграрного государства. Нынешняя Великобритания после Брест-Литовского мира перестала быть аграрным экспортирующим государством и приняла такую хозяйственную форму, при которой всего скорее и сильнее порождается экономическая борьба между крестьянами и индустриальными рабочими.

Избежать этой борьбы нельзя, тем важнее для дальновидной политики придать той почве, на которой разрешаются эти противоречия, такую форму, которая дала бы пролетариату возможность всего лучше развернуть свои силы. Создать подобную почву не только для капитала, но и для сельского хозяйства и было важнейшей задачей представителей русского пролетариата во время революции. Но это означало ни что иное, как наибольшее укрепление д е м о к р а т и и.

Эта задача пролетарской освободительной борьбы, не менее важная, чем создание общественного производства, в противоположность последнему, вполне разрешима и в аграрном государстве.

Как все рабочие классы, так и крестьянство требует демократии. Оно прекрасно чувствует себя при демократии, как о том свидетельствует Швейцария и Соединенные Штаты. Но политические интересы крестьян редко выходят за пределы его волости, в противоположность интересам пролетария, освобождение которого необходимо в силу той преобладающей роли, которую он играет в государстве. Крестьянину будет мил всякий император, лишь бы он был крестьянским императором, охраняющим его собственность и интересы. Он будет противиться всякой попытке восстановления царского режима, который связан у него с представлением возвращения старого, смертельно ненавидимого им крупного землевладельца. Но диктатор, который сумел бы обеспечить ему его владение и создал бы такие условия, при которых он все внимание мог бы обратить на обработку полей и выгодную продажу продуктов, такой диктатор при известных обстоятельствах был бы столь же желанным, как и республика. Такому диктатору прокладывается путь уничтожением демократии, провозглашением диктатуры одного класса, являющейся в действительности диктатурой одной партии и, как заявил сам Ленин, может быть даже диктатурой отдельных лиц. В своей речи 28-го апреля он говорит:

“Чем ближе мы к полному подавлению буржуазии, тем опаснее становится для нас элемент мелкобуржуазного анархизма. Борьба против него может вестись только силой. Если мы не анархисты, мы должны признать необходимость государства, т. е. насилия, необходимого для перехода от капитализма к социализму. Форма насилия определяется степенью развития означенного революционного класса, так же как и особыми обстоятельствами, например, реакционной войной, формой сопротивления крупной и мелкой буржуазии. Поэтому нет принципиального противоречия между советской, т. е. социалистической демократией, и применением диктаторской власти отдельными лицами”.

Для русского пролетариата всего опаснее, если крестьянам привьется надолго идея, что диктатура, т. е. лишение прав всякой оппозиции, уничтожение избирательного права, свободы печати и организации для всякого враждебного класса, что все это есть наилучшая и наиболее соответствующая интересам рабочих классов правительственная форма. Что будет тогда с городскими рабочими, если вспыхнет конфликт между ними и громадной массой русского крестьянства, признающего эту диктатуру? И что будет с рабочими, если рухнет их собственная диктатура? Альтернатива диктатуры одной партии есть ее уничтожение. Диктатура ведет к тому, что находящаяся у власти партия всеми средствами — чистыми и нечистыми — должна стремиться удержаться, потому что падение ее диктатуры есть гибель самой партии.

Совершенно иначе дело обстоит с демократией. Она означает господство большинства, но также и охрану меньшинства, равноправие, одинаковое участие во всех политических правах для каждого, к какому бы классу он ни принадлежал. Пролетариат повсюду глубоко заинтересован в демократии. Где составляет он большинство, там это большинство и есть орудие его господства, а там, где он в меньшинстве, — там демократия является для него наилучшим условием борьбы для его утверждения, для вынуждения уступок и для его развития. Политика, которая стремится увековечить такое случайное стечение обстоятельств, которое позволило бы пролетариату, хотя и в меньшинстве, достигнуть, в союзе с одним из других классов, власти, такая политика — политика близорукая. Пролетариат сам разрушил бы почву, которая одна, при изменившихся условиях, могла бы дать ему возможность стать на ней твердой ногой и вести дальнейшую работу и дальнейшую борьбу.

Сомнительно, добился ли русский пролетариат действительных практических приобретений, а не декретов, при советской республике больше, чем он добился бы при Учредительном Собрании, в котором так же, как и в советах, преобладали бы социалисты, хотя и иного оттенка. Но несомненно, что если советская республика потерпит крушение, вместе с ней могут рухнуть и все завоевания русского пролетариата.

Если бы Учредительному Собранию удалось укрепить демократию, тогда были бы закреплены и все приобретения, которые мог бы завоевать индустриальный пролетариат при демократии и только при ее помощи. Наши надежды на то, что русский пролетариат не утратит плодов революции, покоятся на том, что диктатуре не удастся вытравить у русского народа демократическое сознание и что в конце концов после хаоса, вызванного гражданской войной, он все же выйдет победителем.

Не в диктатуре, а в демократии будущее русского пролетариата.

12. НОВАЯ ТЕОРИЯ

Мы видели, что ни с общей теоретической точки зрения, ни с точки зрения особых русских условий метод диктатуры не обещает пролетариату хороших результатов, но, чтобы понять его, нужно рассмотреть эти условия.

Борьба с царизмом издавна была борьбой с правительственной системой, которая не имела уже более опоры в социальных условиях и держалась только голой силой. Такую систему нужно было свалить силой. Даже у революционеров это легко могло повести к культу силы, к переоценке того, что может выполнить сила, не опирающаяся на экономические отношения, а стоящая над ними благодаря особым обстоятельствам. К тому же эту борьбу с царизмом приходилось вести тайно; заговоры же порождают нравы и привычки диктатуры, а не демократии.

Конечно, этим факторам противостоят другие влияния, влияния борьбы с абсолютизмом. Мы уже указывали на то, что эта борьба иначе, чем демократия с ее повседневной мелочной работой, пробуждает теоретический интерес к великим социальным связям и целям. В настоящее время существует только одна революционная теория — теория Карла Маркса.

Эта теория была принята и русскими социалистами. Она учила, что наша воля и наши стремления обуславливаются экономическими условиями, что даже сильнейшая воля не может избежать их принудительного влияния, а это подрывало культ голой силы. Под влиянием этой теории социалисты пришли к заключению, что грядущая революция, в силу экономической отсталости России может быть только буржуазной и что тем самым их стремлениям и целям ставятся определенные границы.

Но вот вспыхнула вторая революция и неожиданно дала социалистам такую мощь, которая поразила даже их самих, ибо она вела к полному разложению армии, сильнейшей опоры собственности и буржуазного порядка. Одновременно с орудиями силы рушились также и моральные опоры этого порядка. Ни церковь, ни интеллигенция не могли уже сохранить своего престижа. Господство досталось самым низшим классам государства, рабочим и крестьянам, крестьяне же, как было уже сказано, не являются тем классом, который способен управлять. Они охотно передоверили государственное управление пролетарской партии, которая сулила им немедленный мир во что бы то ни стало и немедленное удовлетворение земельного голода; к ней же примкнула и масса пролетариев, которым она обещала вместе с миром и хлеб.

При таких условиях партия большевиков приобрела силу для захвата политической власти. Но разве этим не было наконец достигнуто предварительное условие, необходимое, по мнению Маркса и Энгельса, для наступления социализма, а именно — завоевание политической власти пролетариатом? Правда, экономическая теория говорила, что социалистическое производство при русских социальных условиях тотчас же недостижимо, а также и то, что новый режим отнюдь не означает самодержавия пролетариата, но господство коалиции пролетарских и буржуазных элементов. Коалиция эта может утвердиться только при условии, если каждая часть ее предоставит другой свободу действий в ее области: пролетарии не ставят препятствий крестьянам в деревне, а крестьяне — пролетариям на фабриках.

И все-таки социалистическая партия стала господствующей партией в громадном государстве — в первый раз в мировой истории. Несомненно, для борющегося пролетариата колоссальное, величественное событие.

Но может ли социалистическая партия использовать свою власть для чего-нибудь другого, а не для проведения социализма? Она тотчас же должна была приступить к этому и беспощадно, без колебаний устранить все препятствия, стоящие на пути социализма. Если при этом возник конфликт между демократией и новым режимом, режимом, который вопреки громадной популярности, быстро завоеванной им, не располагал большинством в государстве, тогда тем хуже для демократии. Тогда ее нужно заменить диктатурой, а это сделать было тем легче, чем моложе была народная свобода в России и чем меньше она пустила корней в народных массах. Задачей

диктатуры стало теперь проведение социализма. Этот наглядный урок не только должен был увлечь еще сопротивляющиеся элементы собственной страны. Нет, он должен был побудить к подражанию и толкнуть к революции также и пролетариев других капиталистических стран.

Какая колоссальная отвага мысли, полная соблазнительной прелести для каждого пролетария, для каждого социалиста. За что мы боролись полстолетия, что так часто казалось близким и что снова и снова отодвигалось, наконец-то должно было осуществиться. Не удивительно, что пролетарии всех стран приветствовали большевизм. Факт пролетарского господства перевешивал все теоретические соображения. К тому же всеобщее сознание победы питалось еще и полным незнанием социальных условий соседа. Только немногим выпадает на долю возможность изучить чужие страны; большинство же думает, что за границей все обстоит в сущности так, как и у них, а там, где этого не думают, там создают себе поистине фантастические представления.

Отсюда очень упрощенное представление: повсюду господствует один и тот же империализм; отсюда же ожидание русских социалистов, что народы Западной Европы стоят к политической революции столь же близко, как и народы России, и другое ожидание — что элементы социализма имеются в России, как и в Западной Европе. А то, что совершилось затем, после полного разложения армии и разгона Учредительного Собрания, то было следствием раз принятого направления.

Все это очень понятно, хотя и неутешительно. Но менее понятно то, что наши большевистские товарищи не стали объяснять и оправдывать свой образ действий своеобразным положением России и стечением особых обстоятельств, которые, по их мнению, не предоставляли никакого другого выбора, как только диктатура или уход от власти. Они пошли дальше. Для обоснования своего образа действий они построили совершенно новую теорию, придав ей всеобщее значение.

Мы объясняем себе это одной чрезвычайно симпатичной нам чертой, а именно: их громадным интересом к теории.

Большевики-марксисты, они пропитали доступные им пролетарские слои страстным увлечением марксизмом. Но их диктатура противоречила положению Маркса о том, что ни один народ не может перепрыгнуть через естественную фазу развития или отменить ее декретами. Где же найти для этого марксистское обоснование?

Тогда своевременно вспомнили про словечко Маркса о диктатуре пролетариата, которое он употребил в 1875 г. в одном из своих писем. Правда, этим словом он хотел обозначить политическое состояние, а не форму правления. Мигом оно было применено к той форме правления, которая была дана господством советов.

Но разве Маркс не сказал, что при известных обстоятельствах дело может дойти до диктатуры пролетариата и что это состояние неизбежно при переходе к социализму? Правда, почти одновременно он заявил, что в таких станах, как Англия и Америка, переход к социализму может совершиться мирным путем, что достижимо только на основе демократии, а не диктатуры; следовательно, он сам доказал, что под диктатурой он не понимает уничтожения демократии. Защитники диктатуры не смутились этим обстоятельством. Так как Маркс объявил, что диктатура пролетариата неизбежна, они возвестили, что советская конституция, лишение противников советов прав, это и есть та форма правления, соответствующая существованию пролетариата и неизбежно связанная с его господством, — форма правления, признанная самим Марксом. Как таковая, она должна существовать до тех пор, пока существует господство самого пролетариата, пока не будет повсюду проведен социализм и не исчезнут классовые различия. Этим устанавливается, что диктатура не временное преходящее оружие, вынужденное

обстоятельствами, уступающее место демократии, как только наступает более спокойное время, но состояние постоянное.

Соответственно этому девятый и десятый тезисы говорят:

“9. До сих пор учили о необходимости пролетарской диктатуры, не исследуя ее формы. Русская социалистическая революция нашла эту форму. Эта форма — советская республика как форма длительной диктатуры пролетариата и (в России) беднейшего слоя крестьянства”. При этом важно заметить следующее: здесь речь идет не о временном преходящем явлении в узком смысле слова, но о государственной форме **ц е л о й и с т о р и ч е с к о й э п о х и**. Необходимо организовать новую государственную форму, которую не следует смешивать с некоторыми определенными мерами против буржуазии; эти меры только функции особой государственной организации, которая должна быть приноровлена к колоссальным задачам и к борьбе.

10. Смысл пролетарской диктатуры, следовательно, состоит так сказать в **п е р м а н е н т н о м в о е н н о м с о с т о я н и и** против буржуазии. Следовательно, ясно, что все, которые кричат о “насилиях” коммунистов, совершенно забывают, что, собственно, означает диктатура. Сама революция есть акт “грубого насилия”. Слово диктатура на всех языках означает ни что иное, как режим насилия. Здесь важно классовое содержание насилия. Этим дано историческое оправдание революционного насилия. Также совершенно ясно, что тем тяжелее положение революции, тем резче должна быть диктатура”.

Но этим также устанавливается, что форма правления диктатуры не только должна быть постоянной, но также должна наступить во всех странах. Из этого ясно, что если в России только что завоеванная всеобщая свобода снова будет уничтожена, то же самое после победы пролетариата должно наступить также и в тех странах, где народная свобода глубоко укоренилась, где она существует более столетия, где народ многочисленными кровавыми революциями завоевал и укрепил ее. Это со всей серьезностью утверждает новая теория. И еще удивительнее, что она находит отклик не только среди рабочих России, которые помнят еще преследования старого царизма и радуются возможности отплатить тем же, подобно подмастерьям, которые, сделавшись мастерами, радуются возможности в свою очередь надавать шлепков новым подмастерьям; нет, новая теория находит отклик даже в старых демократиях, как, например, в Швейцарии. Но есть нечто еще более странное и еще менее понятное.

Совершенной демократии еще нигде нет — повсюду мы должны добиваться изменений и улучшений. Даже в Швейцарии борются за расширение народного законодательства, пропорциональную выборную систему и за избирательное право женщин. В Америке насущнейшей необходимостью является ограничение власти и способа избирания верховных судей. Еще большие требования в пользу демократии должны мы выставить в бюрократических и военных государствах и провести их в интересах пролетариата. И в самый разгар такой борьбы поднимаются радикальнейшие борцы и кричат противникам: то, что мы требуем в интересах охраны меньшинства и оппозиции, требуем мы только потому, что мы — меньшинство, оппозиция. Как скоро мы станем большинством, захватившим государственную власть, первым нашим актом будет уничтожение для вас всего того, что мы требовали до сих пор для себя, уничтожение избирательного права, свободы печати, организаций и т. д.

Тезисы о социалистической революции говорят об этом совершенно открыто:

“17. Прежнее требование демократической республики, так же, как и всеобщих свобод (т. е. свобод также и для буржуазии), было правильно в истекшую эпоху — в эпоху подготовки и накопления сил. Рабочему нужна была свобода своей печати, в то время когда буржуазная пресса была ему вредна, несмотря на это, в эту эпоху он не мог

выставить требования уничтожения буржуазной прессы. Поэтому пролетариат требовал свободы для всех, даже для собраний реакционеров и черных рабочих организаций.

18. Теперь наступила эпоха прямой атаки на капитал, прямого свержения и уничтожения империалистического разбойничьего государства, прямого подавления буржуазии. Поэтому абсолютно ясно, что в настоящую эпоху принципиальная защита всех свобод для всех (также и для контрреволюционной буржуазии) не только излишка, но и прямо вредна.

19. Это сохраняет силу также для прессы и руководящих организаций социал-предателей. Последние обнаружили себя как активнейшие факторы контрреволюции. Они выступают с оружием даже против пролетарского правительства. Опираясь на бывших офицеров и денежный мешок низвергнутого финансового капитала, выступают они, как энергичнейшие организаторы различных заговоров. По отношению к пролетарской диктатуре они являются ее смертельными врагами. Поэтому с ними должны поступать соответствующим образом.

20. Что же касается рабочего класса и беднейшего крестьянства, они пользуются полнейшей свободой”.

Действительно ли они пользуются полной свободой? “Социал-предатели” ведь — это также пролетарии и социалисты, но они в оппозиции, а потому их надлежит сделать бесправными, как и буржуазную оппозицию. Должны ли мы возмущаться и всей силой бороться там, где буржуазное правительство со своей стороны захотело бы применить подобный рецепт против своей оппозиции? Конечно, должны. Но каково же будет наше положение, если на наш протест буржуазное правительство сможет указать на такие социалистические речи, как вышеприведенная, и на соответственную им тактику?

Как часто упрекали мы либералов за то, что, вступив в правительство, они перестают быть теми, какими были в оппозиции, что они изменяют всем своим прежним требованиям. Ну, либералы, по крайней мере, настолько умны, что формально не отказываются от этих требований. Они лишь поступают по правилу: так делают, но не говорят об этом.

Авторы тезисов бесспорно честнее; но умнее ли — в этом можно сомневаться. Но что должно думать об уме тех немецких социал-демократов, которые открыто возвещают, что на другой день после победы они предадут демократию — демократию, за которую они еще и сегодня борются. Нужно ли думать, что они отказываются от своих демократических принципов или что они их совсем не имеют, что демократия для них только лестница, по которой они стремятся добраться до правительственной власти, — лестница, которую, достигнув цели, они отталкивают, одним словом, что они революционные оппортунисты.

Но и для русских революционеров, которые, чтоб удержаться у власти, хватаются за метод диктатуры не для защиты угрожаемой демократии, а для укрепления себя против воли ее, даже и для них такая политика ни что иное, как близорукая политика. Но все это, однако, понятно.

Но вот что уже совсем непонятно. Как могут немецкие социал-демократы, которые еще не у власти и которые в настоящее время являются еще слабой оппозицией, принять такую теорию. Вместо того, чтобы усмотреть в методах диктатуры и в лишении прав широких народных масс то, что мы вообще осуждаем и что может быть продуктом лишь исключительных условий России, они прославляют этот метод как такое состояние, к которому стремится и немецкая социал-демократия.

Это утверждение не только совершенно ошибочно, оно еще и вредно. Получив всеобщее признание, оно сильнейшим образом парализовало бы пропагандистскую силу нашей партии. Ибо кроме ничтожной кучки сектантов-фанатиков весь немецкий, как и весь интернациональный пролетариат крепко держится за основной принцип всеобщей демократии. С негодованием он отбросит всякую мысль начать свое господство созданием нового привилегированного класса и нового бесправного класса. Он отвергнет с негодованием всякую иезуитскую уловку требовать прав для всего народа, в действительности же стремится к привилегиям только для себя. Еще с большим негодованием отбросит он комическое ожидание, что он ныне же торжественно объявит, что его требование демократии ни что иное, как ложь.

Диктатура как правительственная форма для России столь же понятна, как и раньше был понятен бакунистский анархизм. Но понять не означает еще признать. Мы должны столь же решительно отвергнуть как то, так и другое. Для социалистической партии, достигшей в государстве господства вопреки воле большинства народа, диктатура не есть средство обеспечить последнему его господство, но средство поставить партию лицом к лицу с такими задачами, которые превышают ее силы и при решении которых она лишь бесплодно истощает и растрчивает их. К тому же она слишком легко может скомпрометировать идею самого социализма.

К счастью, неудача диктатуры еще не означает крушение революции. Последнее наступило бы только тогда, когда большевистская диктатура оказалась бы прологом буржуазной диктатуры. Существеннейшие завоевания революции будут спасены, если своевременно удастся заменить диктатуру демократией.

Материал предоставлен Марксистской Рабочей партией

